Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

— БОЛЬНО жирно! — сказал редактор — Мы что — «Комсомольская правда», чтобы так роскошно жить? Мы районная газета!

Я напыжился, но помалкивал: оправдываться было нечем. Редактор взял со стола мою писанину — несколько жалких листов и потряс ими:

— Я не представляю — столько дней проторчать в одном Балыктаке! А?

Балыктак — это дальний участок нашего прииска. Там всего-навсего одна драга, полтора десятка домов. Мне дали командировку на два дня, а я проездил неделю.

— Мы не центральная пресса! Ты знаешь норму? Триста строк в номер! А ты что родил за целую неделю?

Я родил матерьялишко строк на двести — и то водянистый, как огурец-скороспелка. Набухал водички — и сижу довольный, совести хватает начальству в глаза смотреть.

Эх!... Но не мог же я открыть причину своей задержки. Взять да и ляпнуть: мол, выяснял подробности одной запутанной истории... Ишь, скажут, Конан-Дойль нашелся! Мы тут корпим целыми днями — зам в отпуске, ответственного секретаря послали сено косить, двух сотрудников вообще не хватает — а он разъезжает...

* * *

Ну, а теперь, когда все утряслось, можно рассказать, как было дело.

В этот Балыктак я ехал в фургоне почтовой машины. Четыре часа подпрыгивал в обществе пыльных мешков и фанерных посылок. Трясло так, что под конец мне стало казаться, что я и сам сколочен из фанеры и набит японскими плавками и банками растворимого кофе.

Все же доехали. Шофер снаружи брякнул замком, открыл дверцу, и я выбрался на свет божий.

Так. Брюки в пыли, рубаха сзади вылезла... Две бабки стояли с сумками на крыльце почтового отделения. Увидев растрепанного незнакомца, они прямо-таки помолодели от любопытства. Ну-ну, разглядывайте... Надо же, и шнурки вдобавок развязались.

Подошел маленький дед в шляпе, похожей на хитроумно перекроенную волейбольную покрышку.

— Здравствуйте, — сказал я ему культурным голосом. Деды ценят приличное обращение — деды в шляпах, поселковые философы.

Но этот дед, видимо, чихать хотел на мои манеры. Он задрал голову, потому что обвисшие поля шляпы почти закрывали ему глаза, и не очень любезно сказал:

— А если какой документ пропадет или ящик? Тогда как, а?

— Чего? — не понял я.

— А того! Попутных лиц на почтовках не возят. Вы об этом известны?

Я напряг всю сообразительность, на которую способна фанерная посылка после столь основательной встряски. Кто это такой?

— Так это... А как к вам иначе доберешься? Других попуток не было... Я из районной газеты... В общем, корреспондент...

— Покажь удостоверение! — потребовал дед.

— Пожалуйста! — я протянул ему свое командировочное. Он вынул очки и обнюхал каждую букву в бумажке.

— А вы на почте работаете? — робко поинтересовался я.

Он только хмыкнул. Повертел мою бумажку и спросил:

— А книжечки какой-нибудь такой, чтобы с фотокарточкой — нету, что ли?

— Нету книжечки. У нас в районке таких не выдают.

— Сдабаки! — разочарованно фыркнул дед и вернул мне лист. — Так... И кого же вы будете описывать?

— Посмотрим, — буркнул я.

— А все-таки?

Дорожная тряска внутри меня понемногу утихала, способность к соображению возвращалась. Я вдруг возмутился. Откуда он взялся, этот настырный дед? И вообще, кто надел на него эту шляпу? Ей, небось, восемьсот лет! Ее место в Оружейной палате...

— Где тут живет драгер Пасюра? — сказал я, чтобы прекратить нелепое интервью.

— Ага! — вскинулся дед. — Ты приехал описывать Пасюру?

Я мысленно плюнул и круто повернулся: спрошу у кого другого.

— Э! Погодите! — засуетился дед за спиной. — Товарищ писатель!

Уши у меня стали горячими. Я зашипел:

— Какой я вам писатель!

— Ну, этот... корректор, или как... — дед ухватился за ремень моего фотоаппарата и явил вдруг отменную разговорчивость:

— Я знаю Пасюру! А как же! Замечательный драгер. Кругом передовик — за что ни потрогай, ей-богу! Он и столяр хороший. Он мне стеллажи сделал. Я ему говорю: сделай стеллажи, а то мне рукописи складывать некуда...

— Чего-чего складывать?

— Рукописи. Я ведь тоже пишу. А как вы думали?

Я полез за сигаретами. Если в этом Балыктаке все деды такие...

— Что же вы пишете?

Дед глянул куда-то вдаль и скромно произнес:

— Детективную автобиографию.

— К-как?.. Какую биографию?

— Какую прожил, такую и описываю. Детективную.

— Так вы что, преступников разыскивали?

— А ты думал! Милиция без меня запурхалась бы... Было дело.

— И много уже написали?

— Работаем, — обтекаемо выразился дед.

В конце концов, решил я, нужный материал собрать успею. Задание успею выполнить... Я представил себе стеллажи, заваленные рукописями. Детективными!.. Х-м!

Через две минуты мы уже входили в дедов дом.

— Вот они, стеллажи! — показал хозяин.

В самом деле, всю стену в боковой комнатушке — от полу до потолка — занимали деревянные полки.

Но... лопни мои глаза...

— Они же пустые!

— Уже не совсем! — возразил старик. Залез на табуретку, пошарил на самой верхней полке — и протянул мне толстую тетрадь:

— Вот! Предисловие!

На первой странице был крупно нацарапан заголовок:

ТАЙНА СТАРОГО САПОГА

А ниже — помельче:

Детективная автобиография тов. Бянкина А. Ф.

— Бянкин А Фэ — это я и есть — Антон Федотович... А вот, пожалуйста, моя супруга.

В комнатку как раз вошла старушка в белом, в горошек, платочке.

— Это из газеты! — крикнул дед ей на ухо. — Писатель! На подмогу приехал!

Старушка выслушала, поглядела на меня, на тетрадь — и затараторила:

— Бачите, скильки полок нагородыв? А якого биса?.. Каже — напишу на бамаге, як того злодия шукав, шо золото заховав... А хиба ж вин пише? Тильки карандаши смокче. Чотыри карандаша купыв — и вси обсосав, а на полках пусто, хочь у хутбол гуляй... Тю, нехай!

Махнула рукой — и вышла.

Я стал читать:

«Сурова и богата наша северная природа. Есть пушнина соболь, листвяк хороший толстый, также план выполняем по золоту и обработке горной массы, а по часам чистой работы драга не справилась, потому что Федька начальник молодой был вредный. Золотодобытчики честно трудились: как газета придет, так ихние фамилии там обязательно — к бабке не ходи...

Но вот нашелся негодяй и унес золото с балыктакской драги. Бдительный житель Бянкин А. Ф. это золото нашел, но вор перехватил инициативу, и флакушка снова исчезла из-под витаминов. Ввиду разбушевавшейся стихии милиции стало трудно с этим делом разобраться...»

Дальше шли чистые страницы.

— Ну, как? — сипло спросил дед.

— Да, — протянул я озадаченно. — Интересно. Только... немного сжато.

— Это только начало, — дед со вздохом глянул на свои стеллажи. — Если все описать — пудов шесть бумаги навалишь...

В общем, застрял я.

На целую неделю.

Зато теперь я знаю все подробности событий, которые происходили в Балыктаке год назад и о которых пойдет речь.

Если кто из читателей предпочитает узнать про «тайну старого сапога» со слов непосредственного участника этой истории — те могут подождать, пока дед Бянкин положит шесть пудов рукописей на свои стеллажи. Я не уверяю, что он сделает это завтра... Но любители мемуаров — народ терпеливый. Они подождут.

Все прочие — за мной!

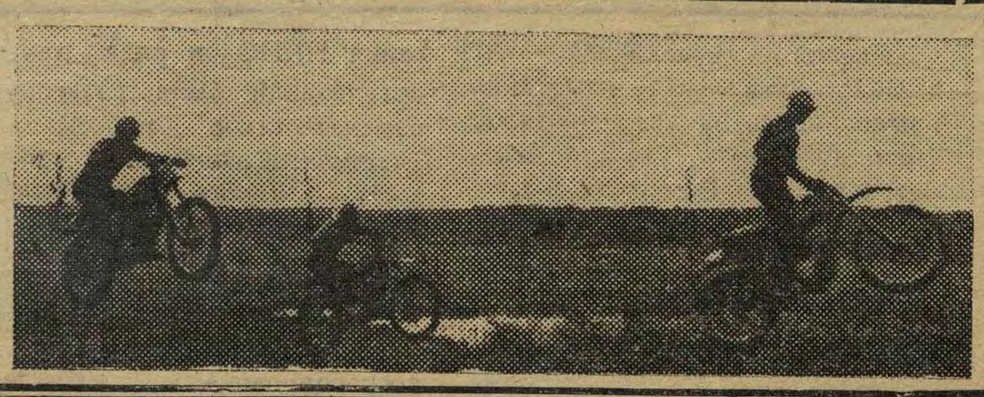
(Продолжение следует).

Москва, **Ломоносовский проспект, дом 2/62 — адрес Института педиатрии АМН СССР. Здесь возвращают здоровье и радость детям, а счастье — их родителям.**

В многочисленных лабораториях и клиниках научно-исследовательского заведения разрабатываются прогрессивные методы лечения детских болезней.

На снимке: за разработкой диеты для питания больных детей.

(Фотохроника ТАСС).



Ковров. **Каждый четвертый мотоцикл, выпускаемый в нашей стране, сходит с конвейера Ковровского завода имени Дегтярева. И не случайно мотоспорт занимает ведущее место в «цехе здоровья» предприятия — в спортклубе.**

В команде завода более 10 мастеров спорта СССР, которые успешно выступают в соревнованиях.

На снимке: идет очередная тренировка.

Фото **И. Дынина.**
(Фотохроника ТАСС).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

ИННОКЕНТЬЕВСКОЕ СПТУ № 4 производит набор учащихся со сроком обучения 1 год по профессиям:

МАШИНИСТ ЭКСКАВАТОРОВ.

МАШИНИСТ БУЛЬДОЗЕРОВ, СКРЕПЕРОВ, ГРЕЙДЕРОВ.

ТРАКТОРИСТ-МАШИНИСТ III КЛАССА.

Принятые в училище находятся на полном государственном обеспечении. Учащимся выплачивается стипендия: одиноким — в размере 10 руб., семейным — 20, со средним образованием — 104 руб., воинам, уволенным в запас в 1975 году, — 74 руб., срок обучения 8 месяцев.

Для поступления требуются документы: свидетельство или справка об образовании, справка о состоянии здоровья, 4 фотографии 3X4, справка о семейном положении, аттестат зрелости и заявление на имя директора.

Паспорт, военный билет или приписное свидетельство и трудовая книжка предъявляются лично. По получении документов училище высылает вызов для получения пропуска.

Начало занятий с 1 сентября. Прием документов до 1 ноября.

Документы высылать по адресу: 676756, Амурская область, Архаринский район, с. Иннокентьевка, СПТУ № 4.

ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ № 11 г. Райчихинска объявляет прием учащихся на 1975 —76 учебный год по следующим специальностям:

СО СРЕДНИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

МАШИНИСТЫ ЭКСКАВАТОРОВ,
ЭЛЕКТРОГАЗОСВАРЩИКИ,
ЭЛЕКТРОСВАРЩИКИ,
СЛЕСАРИ ПО РЕМОНТУ ТЕПЛОВОЗОВ,
ЭЛЕКТРОСЛЕСАРИ,
КИНОМЕХАНИКИ.

Срок обучения 1 —1,5 года

С ВОСЬМИЛЕТНИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

ТОКАРИ,
СЛЕСАРИ-РЕМОНТНИКИ,
ЭЛЕКТРОСЛЕСАРИ,
СЛЕСАРИ ПО РЕМОНТУ ТЕПЛОВОЗОВ

Срок обучения 2 года.

Все учащиеся, зачисленные в училище, обеспечиваются бесплатным общежитием и получают стипендию от 23 до 30 рублей в месяц. Юноши освобождаются от призыва в ряды Советской Армии до окончания обучения. Обучение входит в стаж работы. Начало занятий с 1 сентября.

Наш адрес: г. Райчихинск, Техническое училище № 11. Телефоны: 31-28, 23-82.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел—5-60; отдел писем и типография— 1-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.320 **Экимчанский филиал Свободненской городской типографии** Цена 2 коп. Зак. № 82.

Встреча с Родиной через 34 года

Никакая другая сила не могла бы так разбросать людей, как разбросала война...

Всю сознательную жизнь искал своих родных гражданин Польской Народной Республики Николай Муравский. Его отец — советский пограничник погиб в первых же боях. Мать застрелили фашисты на глазах у мальчика. Мальчика, рискуя жизнью, приютили поляки Франтишек и Зузанна Муравские.

Закончилась война. Николай выучился, стал хорошим рабочим, шахтером. В братской Польше он обрел вторую родину, настоящих друзей, которые смогли заменить родителей.

Но все время Николай упорно разыскивал родных. В этом году с помощью газеты «Правда» ему, наконец, удалось их найти. Выяснилось, что отцом Николая был младший политрук Николай Федорович Владимиров, матерью Дарья Ивановна, оба родом с Алтая. На Алтае и сейчас живет большинство его родственников.

Недавно Николай Муравский побывал в родных местах. И всюду Николай встречал безграничное радушие и тепло. Родные и земляки просили его передать слова огромной благодарности польским друзьям, которые не только приютили русского мальчика в трудную минуту, но и смогли воспитать в нем лучшие черты рабочего человека, коммуниста.

На снимке: Николай Муравский в родных местах.

Фото В. Садчикова. (Фотохроника ТАСС).

Один с топором и двое с носилками

Прошел час, другой, третий...

Я ждал, охваченный недобрым предчувствием.

Дверь отворилась. Вошла наша уборщица.

— Пришли! — сказала она, глядя на меня с состраданием.

— Сколько их? — хрипло спросил я.

— Двое!

Сердце мое сжалось. Проглотив подступивший комок, я встал и вышел на крыльцо.

Они сидели и мрачно курили. Носилки стояли рядом, прислоненные к крыльцу.

Долго тянулось томительное молчание.

Подошел третий, с топором.

— Хватит! — сказал он мне. — Пойдем!

Я молча кивнул и медленно побрел вперед. Они шли за мной — один с топором, двое с носилками...

Место было голое, пустынное. Привязанная к колышку, щипала траву чья-то коза, да ветер трепал обрывок сетки на сломанных футбольных воротах.

Я в отчаянии оглянулся. Ни души!

— Ну? — усмехнулся один, пробуя пальцем лезвие топора. — Что скажешь?

«Неужели никто не придет на помощь? — горько подумал я. — Ну что ж!..»

Я поднял голову, посмотрел на этих троих и сказал, стараясь, чтобы голос звучал бодро:

— Массовый субботник, посвященный благоустройству стадиона, считаю открытым!

ЯШКА-АРТИЛЛЕРИСТ.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Первая тайна сапога

Бабы ходили собирать моховку на Савоськин ключ, а в кустах как затрещит, а по камням как зашваркает...

На другой день Федька Козлов, начальник драги, доехал до ключа на «ИЖ-Планете», облазил там все. Говорит, нашел развороченный муравейник.

Муравейники кто разрывает? Учить не надо?..

Федька, правда, не понял — то ли вчера разворочено, то ли давно. Мол, ночью дождь следы прибил.

Как будто он в следах что-то шурупит. Шестерню главного привода запороть — это он понимает, начальничек, зелень пузатая. Песни базлать понимает, пожилых людей обзывать...

На всякий случай дед Бянкин зашел с утра к своему соседу Пасюре:

— За моховкой иду. На Савоськин ключ. Парочку жиганов надо, а то холера его знает...

Сосед дал ему две круглые пули. Дед тюкнул их друг о дружку:

— А поубийственней нету? Турбинку бы!

Пасюра заухмылялся. Дед ему стал доказывать, что турбинкой как вжаришь — все кишки на нее намотает, так люди говорят. Но Пасюра сказал: ничего, на круглую тоже намотает, лишь бы у медведя кишок хватило.

Дед Бянкин все эти шуточки оставил при Пасюре. А жаканы взял.

* * *

Тропа, ведущая к Савоськину ключу, проходит по старым галечным отвалам. Их насыпала не теперешняя электрическая драга, а еще та, паровая. Для нее уйму леса перевели на дрова, все сопки кругом лысые. И дед Бянкин тоже вот полысел, а старые отвалы — эти сыпучие кучи камней — наоборот, позарастали — видишь, как оно выходит!..

Березнячок вырос тут, листвяк молодой. А в яминах среди отвалов, в маленьких озерцах, завелись гольяны.

Кто-то сидит вон в ямине, ловит гольянов. Ага — Иван Максимов, бывший старший машинист драги, второй год пенсионер.

— Привет пациенту! — крикнул дед Бянкин. Спустился с тропы и сел рядом. — Вчера приехал?

— Ну, — сказал Иван Гаврилович. Лицо у него было серое, больничное. Спросил деда вяло:

— А ты далеко?

— На Савоськин, за моховкой. — И дед хлопнул по стволу ружья:

— На всякий случай взял. Слыхал, бабы-то прибегали?..

— Старуха говорила. Я тоже свое прихватил, — Иван Гаврилович кивнул на двустволку, лежавшую на рюкзаке. — А то тут рядом, думаю. Мало ли чего...

Да, тут было близко. Тут ствалы кончались, и тропа выходила к ключу. Провалился бы он, этот ключ, вместе с ягодой, уныло подумал дед. Но раз отчаялся идти, да пули взял, да всем доложил — надо идти, набрать с полведра.

— Долго ты вылеживал, Ваня, — вздохнул дед. — Подлечили?

— А! Мозги компосируют... Как ломало, так и ломает.

— Сдались тебе гольяны! — дед плюнул. — Хоть бы путевая рыба, а то так — радикулит один. Зад выстужаешь на этих камнях...

Максимов промолчал.

В крохотном озерце, в мелком месте, видна была его снасть — корытце из частой проволочной сетки, а в корытце, привязанная, размокала корка хлеба.

Из игрушечных водорослей, из игрушечных таинственных глубин выстреливали рыбки. Танцевали над коркой, осторожничали, удирали... Но — ах! — жизнь игра и смерть игра... Вот их, осторожных, вокруг корки уже с полсотни. Черно от спинок.

Иван Гаврилович, кряхтя, нагнулся и — раз! — поднял на длинной палке снасть из воды. Серебряные рыбки плясали на сетке, как мелкие копейки рыбацкой удачи...

— Не-ет, — дед махнул рукой. — Это не рыбалка.

— По мне — так рыбалка, — буркнул Максимов, кидая гольянов в котелок.

— Слышь, а ты бы их удочкой! Все забавнее. А то уж вовсе тоска.

— Такую мелкоту — удочкой? Хлеб с крючка раздербанят — и вся забава.

— А на червя! — посоветовал дед. — Тонкого червячка насади — не раздербанят. Будут цепляться как миленькие.

Дед любил советовать. Кто не любит?

— Ищи тут червей, в нашей мерзлоте, — Иван Гаврилович, похоже, начал злиться.

— А скажешь, не найду?

Максимов молчал. Дед, разинув рот, смотрел на него, потом сунул ему растопыренную ладонь:

— Спорим на две «яблочных»!

— Отвали ты! — раздраженно отрезал Иван Гаврилович. — С червями со своими...

— Рыбак с тебя, я посмотрю дак, — презрительно сказал дед Бянкин. Забрал ружье, ведро и полез вверх, на тропу.

* * *

Потоптался наверху. Поплестись дальше? Но спор так и кипел в нем. Этот Максимов — чурка с глазами. Ему словами не докажешь, всю жизнь такой. Его надо носом ткнуть — тогда только.

Бянкин знал: спуститься сейчас вон к тем тальникам — и там, под слоем гнилых ивовых листьев, обязательно найдешь дождевых червей. «Докажу», — решил дед и огляделся — нет ли какой банки, червей складывать.

Банок не было, а валялся под кустом старый кирзовый сапог. «Тоже посуда», — прикинул дед с находчивостью истинного таежника. Червей можно и в сапог. А что? С землей!

Запустив руку в сапог — так, для порядка — дед что-то нащупал. Вытащил — это оказался аптечный пузырек, этикетка желтенькая, чистенькая.

«Из-под витаминов флакушка», — догадался дед. В пузырьке, однако, не витамины: тяжелый, как гирька. Дробь не дробь... Дед открутил пластмассовую крышку, тряхнул бутылочку — на ладонь упали кусочки, желтые, тусклые, жеваные какие-то.

— Е-моё! — сказал Бянкин и осторожно сел наземь. С трудом попадая в горлышко — руки затряслись — покидал кусочки обратно в бутылочку. Подышал поглубже, чтобы успокоиться, и крикнул слабо:

— Максимов! Ва-аня-а!

Максимов, шурша галькой, вылез наверх. Увидел — дед сидит, трясется — сам побледнел.

— Что такое?

Дед только головой мотнул. Максимов к нему.

— А?..

— Ы! — сказал Бянкин и протянул пузырек. Максимов взял — руки тоже вдруг заходили ходуном — сыпнул на ладонь.

Долго разглядывал.

— Золото, — сказал севшим голосом.

(Продолжение. Начало в № 82.).

Зам. редактора В. К. ЦУКАНОВ.

Редакция газеты «Горняк Севера» приглашает на работу фотокорреспондента.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.
Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.320 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 83.

ФОТО-информация

Подмосковье — родина матрешек

Подмосковье — родина многих народных художественных промыслов. Искусство мастеров Загорской фабрики игрушек знакомо людям многих стран и приносит радость детям.

На верхнем снимке: мастер по росписи матрешек выпускница Загорского художественно-промышленного техникума Людмила Пленова.

На нижнем снимке: новые игрушки Загорской фабрики игрушек.

Фото Н. Акимова. (Фотохроника ТАСС).

Первый оцелот-сибиряк

В Новосибирском зоопарке недавно родились оцелот и кенгуренок. Малыши чувствуют себя хорошо, прибавляют в весе. Появление потомства в неволе у кенгуру и оцелотов большая редкость.

На снимке: заведующая отделением зоопарка Т. В. Котова с первым оцелотом-сибиряком.

Фото А. Полякова. (Фотохроника ТАСС).

ПОМОГ В ТРУДНУЮ МИНУТУ

Уважаемая редакция! Хочу поблагодарить через газету жителя поселка Токур Вадима Лаврентьевича Дивисина.

В тот жаркий день мы случайно оказались поблизости — я с ребятишками загорала на косе, а он — с семьей.

Случилось несчастье. Мой трехлетний сынишка захотел пить и достал из воды бутылку с лимонадом. Бутылка взорвалась. Осколками поранило шею и грудь мальчика. Кровь лилась фонтаном. Я с испуту растерялась, не знала, что делать. Кто-то из прибежавших на крик мальчика посоветовал приложить к ране панамку. Она тут же стала красной от крови, как только я приложила ее к шее.

И тут на помощь пришел В. Л. Дивисин (я до этого его не знала). Он быстро взял на руки сынишку и побежал с ним в поселок. На почте мы позвонили в больницу, попросили прислать «скорую». Нам ответили: «Везите мальчика сами». И тут опять выручил этот добрый, внимательный человек. Он нашел попутную машину и довез нас с сыном в больницу, где ему была оказана помощь.

От души благодарю Вас, Вадим Лаврентьевич, за помощь и чуткость. Большое Вам материнское спасибо!

З. МАРКИНА.

п. Экимчан.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

„З-зазнобила!“

Федька Козлов приехал в Балыктак три года назад, после техникума. Дед Бянкин помнит вечер самодеятельности в их маленьком поселковом клубе. Вышел на сцену этот новенький. Длинный, черный, с гитарой. Ударил в струны, сказал:

— З-зазнобила!

У балыктакцев мороз по коже. Дышать перестали. Федька еще ударил — и пошел:

Ох, зазнобила
Да ты мою ль
гал-ловушку...
А зазнобила,
ой, з-зазнобила
мою ли
а р-раскудрявую!..

Метис он, Федька — черный волос у него прямой, а не кудрявый. Но так высверкивали по залу его глаза, такой хищной была улыбка на узком лице, такая таборная, пронзящая тоска ликовала в голосе, что балыктакцам и впрямь померещилась раскудрявая цыганская головушка.

Федьку поставили на драгу кормовым машинистом, но скоро эта должность показалась ему скучной. Каждую остановку он лазил со старшим машинистом по всем закоулкам драги — с ключами, чумазый. Всюду нос совал. Или, оставшись на драге с другой сменой, донимал драгера, пока тот не уступал ему места у пульта. К осени уже говорили о нем: «шустрый» — и скоро поставили старшим машинистом.

Таким же дьяволом был он всюду. Уже привыкли: если Федькиного голоса в поселке не слышно — значит, просто нет Федьки в данный момент в поселке. Там затянет одну из своих цыганских песен, там заспорит с кем-то так, что полпоселка в спор втянет, а захохочет — собаки нервничают, интересуются.

Правда, удивляла всех Федькина скупость: он не пил — при его-то характере! Трешки никому не одолжил ни разу. В клуб два года ходил в студенческом своем свитерке, в задрипанном плащике. Складывал, говорят, на книжку. Да только позор ему за это или честь — кто скажет? Водку бы жрал — лучше, что ли?

Дед Бянкин, во всяком случае, Федьку первое время очень уважал. Когда приехала на каникулы его внучка Майка, дед подмигнул ей:

— Видала парня? Огонь!

— Ой, обожглась! — презрительно сказала Майка. — Об этого скупердяя.

Стояла перед дедом — фу ты, ну ты! Выше деда на голову, в белых штанах, на поясе цепь варнацкая с бляхой, в которой весу на глаз килограмма три (дед как-то увидел эту бляху на комоде, не стерпел, потрогал — ты смотри: легкая!).

— Коза! — сказал дед. — Поискать таких, как Федька!..

Но недолго он так думал. Стал Федька деду врагом. Вышло так.

Бянкин, выйдя на пенсию — работал он возчиком — увлекся чтением детективов. Жизнь стала радостной и мучительной. За детективными романами он ездил даже в другие поселки, все районные книгочеи были у него в приятелях, и, захлопнув прочитанную книгу, он начинал томиться: где достать новую. Заезжий артист областной филармонии — помятый, поживший дядя — подарил ему свою не менее пожившую шляпу, и дед ходил по поселку, надвинув ее на глаза, проницательно поглядывая вокруг и соображая: на кого он больше походит — на Шерлока Холмса или комиссара Мегрэ. Имена великих сыщиков он выговаривал не менее ловко, чем, бывало, матюги в адрес своей ленивой кобылы.

— Ты гляди, — смеялись бабы. — Ходит, как уполномоченный!

Но кличка «уполномоченный» деда не смущала и в тайне даже нравилась.

Раз дед сидел на лавочке у конторы, рассказывал мужикам детектив — его слушали, как бога, он упивался.

— И майор, значит, говорит: как нам имя убийцы неизвестно, то обозначим его покаместь «господин Хэ».

Федька вылупил глаза. Потом догадался:

— «Господин Икс», наверно? — и захохотал: — «Господин Хэ»!.. Ой, помереть мне!

Дражники захохотали — скажи, какие грамотеи все! Доценты...

Стал дед на долгое время «господином Хэ».

Обиделся Бянкин-Хэ на Федьку.

Потом вроде забылось, насмешки утихли. Дед тосковал по слушателям. Раз вечером шел по улице мимо той же все лавочки, мужики крикнули:

— Антон Федотыч, иди травани детективчик!

Бедный дед внутренне просиял. Изо всех сил стараясь сохранить каменное, «уполномоченное» лицо, он степенно двинулся к лавочке, но, спускаясь по обочине к кювету, поскользнулся и лихо сел в лужу. В кишках у него похолодело. Он поднялся и стал горстью выжимать сзади штаны, от растерянности упорно храня серьезный вид... Мужики глухо стонали, но из деликатности сдерживались. А Федька — и оказался же он тут, пасть ядовитая — хихикнул:

— **Уполномоченный упал намоченный!**

Стихами, подлец, хихикнул! Дражники — все как один — захохотали в голос, носами даже захлопали от радости...

Дома дед сидел на сундуке, глядя в пол. Вспоминал Федькину скупость (в такие-то годы над копейкой трястись!), наглость его и крикливость. Наливался яростью. А когда жена его, подоив корову, разливала молоко по литровым банкам — для постоянных клиентов — дед велел:

— Федьке молоко не носить!

— Та вин же, кажуть, начальником будэ!

— Хоть прокурором! — закричал дед. — Шиш ему, не молоко!

И когда Майка, закончив свое училище, приехала в Балыктак работать фельдшером в медпункте, дед больше не подмигивал ей насчет Федьки.

Кузьмич, старый начальник драги, вышел на пенсию и уехал в Кишинев, в свою кооперативную квартиру, а начальником, надо же, и вправду поставили Федьку. Иные возмущались: салажонка, мол, поставили. Другие говорили: а что? Парень деловой, пусть растет. Но Федьке, кажется, было наплевать, что там о нем говорили. Переселившись в пустую Кузьмичеву квартиру, он купил старый «Иж» — и начал мотаться на нем от мастерских на драгу, с драги в контору... В роль начальника вошел с ходу — застенчивостью не страдал. В течение последних двух месяцев прошлого сезона на драге случилось две поломки — одна из них по прямой Федькиной вине, из-за его упрямства. В приске получил за это разнос и выговор, но на месте удержался. План, правда, выполнили не хуже людей.

Федька вот уже с полгода, как стал вроде заискивать перед Бянкиным. То ли боялся дедова проницательного взгляда, то ли молока хотел... Дед презрительно отворачивался и даже на приветствие не отвечал...

* * *

Баюкая свою обиду, дед Бянкин вглядывался в темноту, лежа на сырых березовых ветках, и думал: уж если завелся вор в Балыктаке, так слава богу хоть, если это не кто другой, а Федька Козлов.

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 84).

ОТДЫХАЮТ ОГОДЖИНЦЫ

У организаторов этого праздника, посвященного Дню рыбака, хлопот и забот было через край. Надо было привести в порядок волейбольную городошную площадки, подготовить участников соревнования, украсить место отдыха лозунгами и плакатами.

И надо сказать, что ответственные за проведение праздника со своей задачей справились — к девяти часам утра все было готово для приема отдыхающих. Их к любому месту отдыха — на берег Сугоды — доставлял автобус. Многие приехали семьями. Одни загорали, другие плескались в прохладной воде, третьи готовились к встречам на спортивных площадках, кто у ресторана «Крючок» с удовольствием пил лимонад.

Соревнования начались во второй половине дня. Жарко было на волейбольной площадке. Каждый цех выставил свою команду. Первенство одержали волейболисты котельного цеха. А самыми ловкими, показавшими хорошую споровку, оказались городошники Юрий Костин и Виктор Шунков.

Много болельщиков собралось возле участников конкурса на лучшего любителя-рыболова. Разыгрывалось четыре премии: за первую пойманную рыбу, за самую большую рыбу, за больший общий вес и за больший по количеству рыбы улов. Призы соответственно выиграли В. Колесников, О. Кочергин, М. Терещенко, Г. Суслин и А. Черепанов.

По домам разъезжались вечером.

В. НЕПОМНЯЩИХ.
Директор Огоджинской ЦЭС.

Редактор В. Т. САФРОНОВ

Коллективы Селемджинского районного отделения «Союзпечати», Токурского отделения связи и профсоюзная организация районного узла связи с прискорбием извещают о безвременной смерти работницы отделения «Союзпечати»

РЯЗАНЦЕВОЙ
Екатерины Петровны

и выражают глубокое соболезнование родственникам покойной.

Редакция газеты «Горняк Севера» приглашает на работу фотокорреспондента.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.
Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.
Тираж 2.320 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 85.

В ТАЙГЕ дальневосточной

Строительство Сукпайского механизированного лесопромышленного комплекса началось в Уссурийской тайге. В богатых массивах бассейна реки Сукпай сосредоточено более 200 миллионов кубометров ценной древесины — ели, пихты, кедра, лиственницы. Четыре леспромхоза этого комплекса будут ежедневно выпускать десять тысяч кубометров леса.

В приамурской тайге создается еще несколько таких лесопромышленных комплексов. Часть из них появится в зоне Байкало-Амурской магистрали, где прямо к линии подступают вековые леса.

Дальневосточный экономический район — один из самых богатых в стране по запасам древесины. Здесь сосредоточена шестая часть всех лесов Советского Союза и около трех процентов зеленых массивов планеты. На одного жителя Тихоокеанского побережья СССР приходится лесов в 7,5 раза больше, чем в среднем по стране, и в 19 раз больше, чем на жителя земного шара.

Дальневосточной жемчужиной по праву называют Уссурийскую тайгу. В ее дебрях растут представители флоры почти всех зон планеты. Но главным богатством является кедр. Это — сырье для пищевой, деревообрабатывающей и судостроительной промышленности. В кедровых борах заготавливают орехи, богат животный мир, там много лекарственных растений.

Чтобы не оскудели богатства «зеленого океана», на Дальнем Востоке создано свыше 150 лесных хозяйств. Только в нынешнем весеннем сезоне работники лесхозов посадили около 30 тысяч гектаров новых насаждений. Таежные питомники Приамурья ежегодно выращивают для посадок около 100 миллионов сеянцев. На помощь лесоводам приходит высокопроизводительная техника.

Весомый вклад в умножение запасов тайги вносит наука. В Хабаровске создан научно-исследовательский институт лесного хозяйства для всей зоны Востока страны. Ученые решают актуальные проблемы воспроизводства леса, его охраны от пожаров, борьбы с вредителями и болезнями тайги.

(Корр. ТАСС).

Коллектив комбината бытового обслуживания населения вста на трудовую предсъездовскую вахту и взял на себя повышенны социалистические обязательства: план по реализации быто услуг выполнить к 1 декабря и дать сверх задания 11 тыс рублей.

Включилась в предсъездовское социалистическое соревнование молодой мастер Экимчанского Дома быта Людмила Дубнина. Он успешно выполнила июньское задание. Узнать больше, сделать лучш — отличительная черта молодой работницы. Люда владеет дву мя специальностями — мастер пошива мужской одежды и масте пошива легкой женской одежды.

Еще один „некто“

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Деду приснилось, что он пришел в баню, а там холодина — спасу нет! Но веничками вроде пахнет нормально. Хотел погреться в парной, а из парной вылезает представительный мужчина — хоть и голый, а сразу видно — полковник! И объявляет:

— Засадой руководил товарищ Бянкин!

— Ну-у? — ахнула баня. Дед скромно потупился.

— Факт! — сказал полковник. И за проницательность Бянкину присвоен большой чин! —

— Какой? — заволновались все.

— Ревизор Восточного полушария!

Сердце у деда заколотилось от счастья.

Ага, разинули рты!.. Дед им всем скомандовал:

— Р-руки по швам!

Все стали навытяжку. И полковник тоже. Один шофер Аркаша сидел, намыливая мочалку, и ныл:

— Конечно! У Бянкина два жигана было! Так-то и любой замухрышка сумел бы вора словить!

Деду стало обидно. Подхалимы это заметили и засуетились:

— Товарищ ревизор земного шара!..

— Полушария! — заскромничал дед, ежась от банного холода.

— Мы этого Аркашу щас тазиком по кумполу!

— Ладно, — сжалился дед. — На первый раз ему амнистия.

Полковник доложил:

— Вот вам, товарищ Бянкин, еще награда — именной банный веник. С надписью «За хладнокровие».

— А где надпись?

— Не могу знать! Была!

«Украли, прощелыги, надпись!» — ужаснулся Бянкин, зарываясь лицом в веник и просыпаясь...

А когда понял, что елозит носом не по венику, а по березовым пахучим веткам подстилки, когда увидел, что уже совсем светло над отвалами... Да что говорить!

В общем, не хотелось смотреть друг дружке в заспанные физиономии. Засада, елки зеленые!..

— Приехали! — подытожил Максимов.

— Под вид того, — простонал дед.

Поползли с отвала к озерцу — лбы окунать.

А утро было гаденькое: холодно, туман, сырость. Жить неохота в такое утро — взял бы да и загнулся на месте.

А вообще-то, чего паниковать? Ну, засада. Ну, вздремнули. Ну и что? Так уж непременно вор и заявился в этот момент, да? Вон он, сапог-то — лежит себе. Зачем паниковать?

— Ваня, ты храпишь во сне?

— Чего?!

— Да вот — думаю. Если скажем, кто и приходил сюда — он, небось, храп услышал — и удрал. Понял же: раз храпят, значит, засада! Не проханжа!

Максимов посопел и сказал:

— Дурак.

Дед не возражал. Под ребрами, как холодный карась в мордуше, шевельнулся страх. Потоптавшись, неуверенно двинулись к сапогу.

Максимов сунул руку в кирзовое голенище, пошарил...

Потом дед. Долго ковырялся и зачем-то вытащил стельку. Хорошая еще была стелька.

— Голову туда засунь, — сказал Максимов. — Комиссар французский.

— А ты не пил? Ты за шкирку лил, да? Умник!

— Ну, хватит! — зло оборвал Максимов.

Да. Теперь чего доказывать? Проспали золото. Видите ли, добрые люди, два старых хомяка устроили засаду. Постелили веточек... Ну что было не сдать эту склянку куда следует — пусть бы там разбирались до посинения, какое наше дело? Ох, опарафинились!

Дед вспомнил сон, дурацкий именной веник — и зашипел от стыда, как гусак.

Для очистки совести решили поглядеть, нет ли каких следов. Побрели тропой по направлению к поселку. На каменистом отвале никаких следов, конечно, не было. Они спустились в заиленную, сырую низинку перед новым отвалом.

И увидели след.

Он, без всяких сомнений, принадлежал ночному гостю!

Вот вчерашние отпечатки их собственных кирзовых сапог. Вот след Федькиного мотоцикла, двойной — туда и обратно. Вот бабы нарябили своей мелкой обувью. И все это не то чтобы засохло, но обветрело, подтвердело.

А это — свеженькие, жиденькие еще следы сапог. Резиновых! И рисунок подошвы — елочкой. Бянкин встал на карачки и принялся всесторонне изучать этот отпечаток.

— Тэк-тэк... — но в голове был сплошной туман и ничего путного на ум не приходило — Протектор елочкой. Лю-ба-пытно!.. У кого в Балыктаке такие сапоги?

— Здрасьте! — сказал Максимов. — У всех!

Дед вздохнул:

— Коню понятно, что у всех!

Все мужики в Балыктаке имели резиновые сапоги. У кого на подошвах шишечки, у кого елочки — и таких и таких полно.

Продолжив поиски, выяснили только одно обстоятельство, зато важное: похититель в поселок не вернулся!

Следы по тропе уходили в тайгу.

Разложив костерок и вскипятив чай, стали обсуждать свое глупое положение и искать умный выход.

Тропа, возле которой они так некстати выспались, шла от поселка отвалами до Савоськина ключа, поднималась по ключу, сворачивала, переваливала сопку и, пройдя тайгой еще десятка два километров, кончалась у речки Илькан.

Там стояло зимовье.

Зимовье срубил охотник-якут Захар Рубахин, но сам в нем подолгу не жил — кочевал с семьей на оленях по окрестной тайге.

Тропу к зимовью натоптали балыктакские рыбаки. Возле поселка из-за этих драг какая рыба? Одни несчастные налимы. Да и тех нету. Металл берем, а рыбу губим, понимаешь... А Илькан — до него, правда, далеко: тридцать с гаком — зато рыбный. Потому и топали туда любители. Ответвлений же тропа никуда не имела.

Итак, ночной вор ушел по тропе. Собирался он перепрятать золото подальше? Или кому-то в тайге его передать?

Но кому?

Балыктакских никого в тайге нет. До других поселков слишком далеко. Экспедиции нынче не работают в окрестностях.

Только охотник Рубахин может быть где-то рядом.

— Неужели к Захару потащил? — сказал Максимов. — Черт его...

— Надо подозревать всех подряд! — отрезал дед. — Иначе бесполезняк.

Решили еще посидеть: ведь вор мог и не дойти до Илькинского зимовья а обделать свои делишки где-то поближе да и вернуться. Теперь хоть не прозевать!

Время от времени начинал сеять дождь. Из тайги никто не вышел. Зато из поселка вдруг прикатил на мотоцикле Пасюра. Из коляски выскочила встревоженная Майка.

— От они где, зверобои! — закричал Пасюра. — Ну, как, дед, медвежьи кишки? Намотались на жиган?

— Деда! Ой, что стряслось? — затрещала Майка. — Там баба Устя всю ночь не спала. Правда, медведь был?

Старики замялись.

— А то не было! — Пасюра углядел пустую бутылку. — Такая шкура сохнет, я извиняюсь.

— Деда! — нахмурилась Майка.

— Да что вы, на самом деле! — взъерепенился дед. — Ну, посидели, отдохнули... Нельзя выпить на фоне природы?

— На фоне — оно можно, — примирительно сказал Пасюра. — Ты глянь, Мая, люди ж занятие имели, рыбу ловили.

Майка подбежала к котелку, заглянула:

— Фи! Головастики!

— Рыбака нашего не видели?—спросил Пасюра. — Пашка нынче на Илькан пошел.

Старики переглянулись.

— Какой Пашка?

— Да молодой этот. Письменчук. Я ему вчера говорю: какая сейчас рыбалка? Вверху дожди уже неделю, вода так и прет. А он: ничего, мол, сбудет вода... Отгулов у него набралось на целых полмесяца, так невтерпеж ему.

— Та-ак, — рассеянно забормотал дед Бянкин. — Вода, конечно, мутная... И когда он пошел, Пашка-то?

— Видать, затемно. До Илькана вон сколько топать... Ну, поехали домой?

— Вы езжайте, езжайте... Мы с Гаврилычем следом...

— Деда! — Майка поджала губы.

— Да идем, идем! Вот несчастье!

Пасюра с Майкой уехали. Старики собрались и тоже пошли к поселку, обсуждая новость.

Итак — Пашка Письменчук — вот кто прошел тут ночью или на рассвете! Кормовой машинист драги. Он в поселке недавно — с зимы. Толком неизвестно, что за человек. Надо срочно звонить в район, в милицию. Пусть приезжают, им виднее.

* * *

Когда до поселка было уже близко, пошел дождь. Не бешеный ливень, но и не вялая морось. Спокойный, уверенный, знающий свои силы, этот дождь уже неделю лил в верховьях.

И вот добрался сюда.

И весь мир занавесил.

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 85).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.320 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 86.

ЗА ВЫСОКУЮ КУЛЬТУРУ

Многое делается в нашем поселке для улучшения санитарного состояния его улиц и дворов. Стали традицией различные конкурсы, идет соревнование среди предприятий, улиц и дворов за образцовый общественный порядок.

Недавно исполком поселкового Совета подвел итоги этого соревнования. Кстати, положением предусматривалось не только образцовое санитарное состояние территорий, но и целенаправленная воспитательная работа в трудовых коллективах, охрана общественного порядка, участие в общественных делах.

Звание «Коллектив образцового общественного порядка и высокой культуры» присуждено участковой больнице. Здесь на должном уровне воспитательная работа, нет прогулов, хорошее санитарное состояние как помещения, так и двора. Врачи и медицинские сестры выступают с лекциями и беседами в цехах. Медики приняли активное участие в поселковом смотре художественной самодеятельности, посвященном 30-летию Победы, и заняли первое место.

Образцовой признана улица Набережная—самая красивая в поселке. Во дворах всех жильцов — цветы. Жители Набережной самыми первыми начинают санитарную очистку дворов и улицы. Из 115 жильцов только один прогульщик — Кропотов Владимир.

Самыми образцовыми и лучшими признаны дворы А. И. Антиповой, Г. А. Комутковой, М. И. Закордонец, М. З. Дьячковой, А. Т. Ненюк, П. А. Кузнецовой, З. В. Некрасовой, И. И. Попова и С. Ш. Пашковой.

Отмечена хорошая работа по благоустройству двора жильцов 16-квартирного дома.

При подведении итогов выявились и отрицательные стороны. В неудовлетворительном санитарном состоянии оказались дворы Е. И. Коркуновой, Т. П. Костиной, З. Ф. Павловой, Е. Л. Андреевой, И. А. Шундрик.

Отрадно, что большинство жителей поселка стараются озеленять улицы, украшать свои дворы цветниками. Но мешает им в этом благородном и нужном деле торговое отделение. Его руководство никак не может заставить пастуха Благодарова, так сказать, навести порядок в своем стаде. Он пьет в рабочее время, а скот гуляет по улицам, портит зеленые насаждения. Примиренчески относится к этому заведующая фермой А. В. Муратова. Может быть, прочтя в газете эти строки, они присоединятся ко всем жителям поселка и будут заботиться, как и все, о красоте его улиц и дворов.

Т. КУРОЧКИНА.

„Рыбачить он удумал!“

Вертолет прилетел в третьем часу дня.

Милиционеров было двое — два молодых лейтенанта. Они велели старикам подождать на конторском крыльце, а сами с Козловым засели в кабинете.

— Что у вас случилось? — спросил один из лейтенантов, инспектор БХСС по фамилии Ломихин.

— Понятия не имею, — сказал Козлов.

— Как так?

Козлов утомленно помолчал, руководяще побарабанил по столу, ответственно передвинул какую-то папку.

— Деды у нас есть жутко бдительные. Прямо — юные друзья милиции.

— Ну и что?

— Вот с ними и толкуйте!

Ломихин внимательно поглядел на Козлова, покраснел и сказал с язвительной любезностью:

— Так мы вам помешали?

Сухо повторил:

— Рассказывайте, зачем вызвали!

«Ишь, пузырь, — подумал Козлов. — Не уважили, да, молодой?.. Года на четыре младше меня, пожалуй»...

Стал рассказывать, что ему старики сообщили: о будто бы найденной аптечной склянке с золотом, о будто бы устроенной засаде, о том, что золото, будто бы снова исчезло...

— «Будто бы»... — недовольно произнес второй лейтенант. — Ну, а у вас какое мнение насчет этого?

— Если бы Бянкин один такое говорил, я бы вас и вызывать не стал. Он помешан на шпионских книжках.

— Максимов тоже помешан?

— Ну, Максимов... — Козлов дернул плечом. — Этот вроде серьезный мужик... Но они же сами говорят, что пили там! И у Максимова мог выйти заскок.

— Один помешан, у другого заскок... Речь-то о серьезном!

— А я не принимаю этого всерьез! — заявил Козлов. — Сроду здесь не слыхано ни о каких хищениях. Я четыре года здесь работаю... И старики не помнят.

— Хорошо, — сказал Ломихин. — Распишитесь вот тут, Федор Станиславович. И пригласите Максимова.

Козлов вышел на крыльцо, буркнул Максимову: «Вас приглашают!» — а сам, увидев проходившего мимо долговязого бульдозериста Сёму, принялся его распекать: почему бульдозер уже третьи сутки маячит у мастерских?

— Станиславыч! — оправдывался Сёма. — Ты посмотри на его ходовую! Она ж разбита, как моя судьба!

— Завтра на полигон не выедешь — я тебе добью судьбу! — кипел Федька.

«Пошел в разнос!» — отметил дед. И поспешил вслед за Максимовым.

Сунулся было в кабинет, но лейтенант строго прикрикнул: «Вызовем!». Дед послонялся по коридору, потом не утерпел — подошел к приоткрытым дверям, стал слушать. Максимов рассказывал правильно, но скучно. Дед бы лично так всю историю преподнес, что у милиции козырьки бы потрескались от изумления.

— Зачем Бянкину понадобился этот старый сапог? — спросил лейтенант.

Иван Гаврилович замешкался с ответом:

— Даже без понятия...

«Хо! Я ж ему так и не сказал, что червей хотел накопать!» — вспомнил Бянкин.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

— Ну вот! — продолжал лейтенант. — Валяется никому не нужный сапог, а я, взрослый человек, стану в нем копаться? Странно!

«Эге! — дед встревожился. — Они что — не мне ли уж хотят дело пришить?»

Иван Гаврилович, видимо, тоже был сбит с толку такой постановкой вопроса:

— Не знаю... спрошу у него.

— Ладно... Почему вы о находке не сообщили сразу начальнику драги?

— Я подумал: начальник-то присутствует при съемке золота. При нем пломбы рвут, при нем пломбируют... Знатье бы, что так выйдет...

— Вы решили, что начальник драги мог...

— Не решил я! —сердито сказал Максимов. — А из осторожности. В конце концов, наверняка ни о ком не скажешь.

«Не решил!.. Не скажешь!» — дед еле сдержался, чтобы не ворваться в кабинет. Опять он Федьку выгораживает! Добряк нашелся!»

— Вы уверены, что это было золото?

— Конечно, уверен.

«Еще сомневаются!» — негодовал дед.

— А оно было как — в слитках или самородки?..

— Самородков у нас нет. Мелочь обыкновенная...

— Мелочь, зато с полкило! — дед по оплошности забылся, просунул голову в дверь. — А может, этой мелочи...

— Гражданин! — лейтенант вскочил. — Дойдет очередь!..

Когда очередь, наконец, дошла, дед с размаху положил шляпу на стол:

— Товарищ лейтенант! Это...

Но его остановили, предложили сесть и рассказать по порядку.

Ну что ж... Дед сел, перевел дух, покашлял. Начал он ошеломляющим вопросом:

— А вы знаете, что гражданин Козлов накануне изложенных фактов на «Ижаке» туда ездил?

— Так? — насторожился Ломихин.

«Ага, заусило!» — подумал дед, довольный такой вспышкой внимания. И пошел со смаком излагать всю историю. Лейтенантики эти слушали, как октябрята! Жаль, что часто перебивали: служба у них такая — перебивать всех на свете...

— Конечно, — вздохнул дед в заключение. — Зря мы с флакушкой этой самовластно рассудили.

— Вот и наломали дров со своим «самовластием». Был металл — и нету!

— А кому б мы сказали? Федьке? Да он же... — дед вдруг вспомнил. Да он же машину недавно купил!

— Ну и что?

— И еще купит! — убежденно сказал дед.

— Так уж и еще — усмехнулся Ломихин, однако про машину тоже записал. Прочел вслух запись дедовых показаний. Дед с удовольствием прослушал бы еще пару раз — сроду о нем, о Бянкине, нигде не писали! — но вдруг вспомнил:

— А с Пашкой как же? Слетать надо на Илькан! Может, там его и накроем, в зимовьюхе-то!

Лейтенанты переглянулись, посмотрели на часы.

— Идемте.

Пошли к вертолету. Лейтенанты взяли у пилота карту, рассмотрели ее сами, показали старикам:

— Вот ваш Балыктак. Это Савоськин ключ, видимо. Да?.. Вот Илькан! Где тут зимовье?

— Вот! — ткнул пальцем Максимов. — На этом кривуне, на правом борту.

— Успеем? — спросил Ломихин пилота. Тот обвел взглядом сопки, тучи, на часы посмотрел.

— Должны.

Пилоты вели машину низко над тайгой. Пешеходную тропу на Илькан было видно в течение всего полета, она была пустынна.

Над избушкой вертолет дал круг и опустился от нее метров за двести, на сухую горелую марь.

Дверь избушки, когда подошли, была подперта снаружи толстым пихтовым сутунком. Зимовье строилось на высоком берегу, но Илькан из-за дождей так поднялся, что мутная вода размывала уже торфяную завалину.

— Рыбачить он удумал в такой воде, а? — дед покрутил головой.

Отвалив от двери сутунок, вошли. Зимовье как зимовье: широкие нары, ржавая жестяная печка. Ломихин уже бывал в таких избушках, и ему был знаком тяжелый запах прели, сразу бьющий в нос в долго пустовавшем лесном жилье. Здесь затхлостью пахло, но не очень: явно кто-то недавно был. На столе в миске остатки гречневой каши еще не заплесневели. Даже не засохли. Да что там... Ломихин открыл печку, сунул руку — зола горячая. Мелькнула даже искорка в черноте.

Здесь были сегодня!

— О! — воскликнул дед. — Плащ! Пашкин!

В дальнем углу, над нарами, висел плащ. Ломихин снял его с гвоздя, осмотрел. Зеленый, полупрозрачный. А капюшон черный, после уже видимо пришитый.

Во всем Балыктаке только у одного человека был такой плащ — у Пашки Письменчука.

Ломихин пошарил в карманах плаща.

И вытащил аптечную склянку с пластмассовой завинчивающейся крышкой.

— Вот она! — дед так и потянулся рукой, но Ломихин осадил: «Но-но!» — и поднес склянку к свету.

Она была пуста. Если не считать щепотки песчинок на донышке.

Лейтенанты высыпали крупинки на чистую бумажку, вырванную из записной книжки, и рассмотрели их. Да, это было золото. Вернее, остатки золота.

— Ну? — повернулся дед к Максимову. — Не Пашка, да?

— Я не говорил, что не Пашка. Я говорил —не знаю!

— Дак и не спорь, если ума нету!

Дальнейший осмотр ничего не принес. Других Пашкиных вещей не оказалось больше ни в избушке, ни возле нее. Между тем пилоты забеспокоились: пора было возвращаться. — Где сейчас этот охотник, хозяин зимовья? — спросил Ломихин, когда шли назад к вертолету.

— Это дело темное, — ответил Бянкин. — У Захара вся тайга — дом.

— Где корм для оленей получше, там и он, — сказал Максимов.

Вертолет высадил Ломихина и стариков в Балыктаке и улетел в Оскор, унося на борту второго лейтенанта и пузырек с остатками золота.

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 89).

„Горняку Севера“ отвечают

В «Горняке Севера» за 12 июля под рубрикой «Тревожный сигнал» был опубликован материал инспектора Госгортехнадзора А. В. Полянского «На словах и на деле» о нарушениях правил техники безопасности на Токурской обогатительной фабрике.

Вот что ответил на это выступление в газете директор прииска С. И. Попов.

«На корреспонденцию А. Полянского «На словах и на деле» сообщаем: в настоящее время производится строительство здания калориферной, где будет смонтировано оборудование; вентиляция ДСО восстанавливается; рабочие ДСО пользуются респираторами «Лепесток»; доводочная оборудована в новом помещении, на эксплуатацию которой дано разрешение горно-технического инспектора; электротельфера заземлены».

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

ЛАГАПСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ПАРТИИ на постоянную работу требуются:

квалифицированные плотники,
бульдозерист на бульдозер С-100,
каюр-проводник,
электрослесарь,
тракторист на трелевочный трактор ТДТ-40 М.

За справками обращаться в отдел кадров. Телефон 3—51.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.320 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 90.

Федька исчезает

— Итак, — сказал Ломихин, — в зимовье, в плаще Письменчука, найдена склянка с золотыми песчинками.

Козлов включил в кабинете свет — уже темнело — и молча уселся за свой стол.

— А было, как свидетельствуют, с полкило!

Федька пожал плечами.

— Что вы скажете об этом Письменчуке?

— Пацан как пацан. Нездешний. Отслужил — сюда приехал. Тайгу, мол, посмотреть. Работник пустяковый. Вроде старается, а чувствую — драгу не любит. Вот — рыбалка ему, тайга... А тайги путем и не знает.

Помолчав, добавил:

— Пашка и близко у золота не ходит... Вы бывали на драгах?.. Ну, так он кормовой машинист. У транспортера. Там пустая порода в отвал идет. Булыг там хватает, а больше ловить нечего.

— Считаете, что золото не с вашей драги?

— Представьте — считаю!

Говорил Козлов нехотя, глядя в сторону, будто делал лейтенанту одолжение.

Ломихина это задело: «Ишь, начальство! Года на четыре каких-нибудь старше, а ломает из себя высшую инстанцию... Ладно, сейчас расшевелим!»

— Значит, он намыл где-то вручную!

— Кто? Пашка? — Козлов хохотнул. — Не надо!.. Если Пашка возьмет в руки кайло — да я... я вам своего «Москвича» подарю не глядя!

— Рыть мог и не Пашка, а кто-то другой, поопытней, поработящей...

— Нет, — Федька мотнул головой. — Чтобы полкило намыть, надо я не знаю как горбатиться. Да ну — смешно даже... Опытный подавно не станет. Содержание не то, чтобы вручную стараться.

— Трезво рассудили, Федор Станиславович! — Ломихин сделал невинное лицо. — Я тоже думаю, что золото взято именно с драги.

Козлов растерянно помолчал, потом засмеялся:

— Ловко, инспектор! На ходу подметки режем!

— Тронут комплиментом. Так допускаете такое?..

Федька уперся взглядом в стол.

«Пойдем дальше!»

— Кстати, о «Москвиче»... Еще не видели его?

Федька поднял голову и внимательно вгляделся в беспечную лейтенантову улыбку.

— «Москвичом» интересуетесь? Давайте, улика пудовая!

— Почему улика? Просто люблю машины.

— Я тоже! — Федька вскочил, зыркнул глазами, но опять сел и постарался говорить спокойно:

— Я тоже люблю машины. Могу сообщить — копил на нее не один год!..

«Расшевелился, — подумал Ломихин, довольный своим ходом. — А то выкомаривает, как гордая полячка».

— Федор Станиславович, вы меня извините, я не колю вам глаза вашей машиной. Я хочу, чтобы вы, как начальник драги, помогли мне толковыми ответами...

— Я бестолковых не даю.

— Да уж... пикироваться умеете! А вы вдумайтесь серьезно: кража-то совершена! Если не верите — так хотя бы допустите такую возможность, и подумаем вместе: как это могло произойти?

Покурили, отдохнули от этого словесного поединка.

— Ужинать будете, лейтенант?

Сходили в столовую — крохотный домик, где повариха — она же, видимо, и судомойка — подала им ужин.

— Теть Поля, — сказал Козлов, — скажи Егоровне, пусть боковую комнату в общежитии приготовит лейтенанту.

В кабинете засиделись до полуночи. Козлов отвечал на вопросы о Письменчуке, охотнике Рубахине, дражниках, рылся в нужных бумагах — все это с досаждавшей лейтенанту скукой и неохотой. Цифры, фамилии, даты...

— Ну, пока хватит! — Ломихин сунул свои бумаги в портфель.

— Общежитие знаете где?

— Нет, конечно.

— Ну, провожу.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

«Какая любезность!» — Ломихин оскорбленно усмехнулся...

В общежитии горел свет. Там пели.

— Сёма Ящур завывает, — сказал Козлов. — Сволочь.

— Почему сволочь?

— Бульдозер третьи сутки у него стоит, а он — ишь, ариозы выводит.

Общежитие было спланировано, как обычная квартира: прихожая, слева кухня, справа комнатушка, прямо — большая комната. В ней горел свет, и кто-то выводил с большим, очень теплым (видимо, на совесть нагретым) чувством:

Она нашла ды его-о
могилку,
Головой на кладыбище-э
легла...

— Ну, кашалот! — Козлов шагнул вперед, но лейтенант сказал: «Погодите!» — прошел и встал в дверях комнаты.

Сидели двое. Один — длинный, с серым лицом — пел, устремив глаза в потолок. Другой — маленький, беленький — плакал в банку из-под кабачковой икры.

— У нас тоже было, у Хмельницькой области, — говорил белокурый страдалец. — Она — знаешь, сколь лет его ждала?

Длинный, не слушая, подвывал:

Вонызила ды вострый
нож па ручку...

— Знаешь, сколь лет ждала?

И на могилке ды умерла-а!

—Она ждала лет с повгода! — всхлипнул беленький. — У Хмельницькой области, поняв, да?

Длинный — видимо, забыв слова, стал озабоченно оглядываться. Увидел лейтенанта:

— Гр-жнин начальник! Все по уму!..

В комнату вошел Козлов.

— Станиславыч! — закричал длинный. — Дай пять!

— А ну в постель! — рявкнул Козлов.

— Заказ принят! — Сёма Ящур суетливо поднялся, подхватил приятеля под мышки:

— Толик! Баиньки! — и, спотыкаясь, потащил его на кровать.

— Лет с повгода ждала! — удивился еще раз Толик — и уснул.

Сёма рысцой подбежал к другой кровати и стал раздеваться...

— Бичары! — сказал Козлов в прихожей. — Держу — кадров нет.

— Этот Сёма — из заключения?

— Ну... Вот ваша комната. До завтра.

* * *

Дождливая темень окутала Балыктак. Дед Бянкин держал сторожевую позицию у Федькиной калитки. Милиционер и Федька прошли мимо, не заметив его. Было слышно, как хлопнула дверь общежития. «На ночлег устраивает», — сообразил дед...

Снова хлопнула дверь общежития. Федька возвращался, светя фонариком. Дед влип в штакетник.

У своей калитки Федька шагов не замедлил. Прошел ходом.

Дед отклеился от забора и тронул следом, стараясь ступать мягко, как джигит, но гравий под сапогами визжал оглушительно.

Федька остановился и обернулся. Бянкин застыл на месте.

— Кто это? — крикнул Федька. Шагнул к нему и направил луч света в лицо. Дед зажмурился.

— Антон Федотыч? Вы?

— Ну, мы!.. Свет убери!

— А... это самое, — Федька опустил фонарик. — А вы чего тут?

— Гуляем! — отрезал дед.

— Так... мокро же! — произнес, запнувшись, начальник драги.

— А я уважаю, когда мокро!

— Вон как, — Федька помедлил. Повернулся, зашагал дальше. Дед следил за пятнышком света.

Фонарик погас. Федькины шаги участились, перешли в мягкий быстрый топот.

Федька бежал!

Дед тоже припустил было осторожной рысцой — но вдруг топот прервался.

Дед остановился, скинул капюшон дождевика и, затаив дыхание, вслушался в темноту.

Ни звука!

В домах поблизости света не было — все давно спали. Только впереди выступало из темноты освещенное конторское крыльцо.

Но Федька исчез, не дойдя до конторы.

Бянкин долго стоял, слушая. Потом медленно прошел по улице до самой конторы — и обратно, до Федькиного дома.

Улица была мертва.

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 90).

ЛЕДОВОЕ КРЕЩЕНИЕ „АРКТИКИ“

Успешно проходит ледовый экзамен атомного ледокола «Арктика». В рекордно короткий срок атомоход, изломав крепкие льды Енисейского залива, провел первый караван судов, направляющихся в Игарку и Дудинку. «Арктике» вместе с новым ледоколом «Адмирал Макаров» предстоит проводить суда с грузами для портов Крайнего Севера.

Атомный ледокол «А ка» — гордость сове судостроения. Здесь со прекрасные условия дл да и отдыха экипажа. фоторепортаж рассказ о буднях первого ле рейса атомного богатыр

На верхнем снимке с базирующийся на борту мохода «Арктика» ве «МИ-2» отправляется на вую разведку.

На нижнем снимке: уро тематики в 9-м классе янно действующей на атомохода вечерней за общеобразовательной ведет преподаватель Му ской заочной школы мо Людмила Васильевна Кр У доски — водолаз Ва Жиляков.

На снимке сл всеобщий любимец че месячный медвежонок совершает ежедневный корабля.

Фото С. Майстерма (Фотохроника ТАС

По следам неопубликованны писем

«У нас в поселке построена новая электростанция, установлен новый двигатель. Казалось бы, все в порядке, свет будет. Да вот наш моторист Скворцов В. А. «фокусничает», — пишут в редакцию жители Селемджинска. — **Станция должна работать с семи часов вечера и до двенадцати ночи. Но моторист т. Скворцов установил свой «график» — когда захочет, тогда и включает станцию».**

Дорожный мастер Селемджинской дорожной дистан А. И. Игнатов сообщил в дакцию, что факты, приве ные в письме группы жит имели место. Мотористу Скворцову сделано предуп дение. В настоящее вр график работы станции в лемджинске не нарушается

Редактор В. Т. САФРОН

Редакция газеты «Го Севера» приглашает на ра фотокорреспондента.

ЛАГАПСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ПАРТИИ на **стоянную работу требуются:**

квалифицированные плотники,

бульдозерист на бульдозер С-100,

кашр-проводник,

электрослесарь,

тракторист на трелевочный трактор ТДТ-40 М.

За справками обращаться в отдел кадров. Телефон 3—51.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.

Газета выходит по вторник четвергам и субботам.

Тираж 2.320 **Экимчанский филиал Свободненской городской типографии** **Цена 2 коп.** Зак. № 9

СКОРО — БОЛЬШОЙ ПЕДСОВЕТ

ИНТЕРВЬЮ

Предстоящий учебный год войдет в историю советской школы как важнейший этап перехода ко всеобщему среднему образованию. И как всегда, накануне нового учебного года работники школ соберутся на совещание — большой педагогический совет, чтобы подвести итоги своего труда, наметить перспективы. В работе совещания примут участие и представители общественности.

Наш корреспондент обратился к заведующему районным отделом народного образования Н. Д. Сандерову с вопросом, какие проблемы и задачи стоят перед школами в новом учебном году, над чем должны будут работать педагогические коллективы школ.

— Накануне пленарного заседания с учителями-предметниками, с воспитателями интернатов и групп продленного дня, с военруками будут проведены секционные занятия. Руководители секций и докладчики сделают подробный анализ достижений и недостатков в школьном обучении и воспитании за минувший год, поделятся опытом работы и знаниями, приобретенными на областных курсах усовершенствования специалистов.

«Борьба за качество, за повышение эффективности должна пронизывать все стороны нашей деятельности», — подчеркивал Центральный Комитет КПСС в своем новогоднем Обращении к партии, к советскому народу. Повышение эффективности педагогического труда и качества знаний учащихся — основная задача школы в новом учебном году.

В постановлении ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии» перед школой поставлены задачи по формированию коммунистического мировоззрения учащихся, их морального облика, политической сознательности и трудолюбия. В связи с этим на занятиях секций особое внимание будет обращаться на вопросы изучения старшеклассниками теоретического наследия В. И. Ленина и на правовое воспитание учащихся.

Пленарное совещание учителей состоится 27 августа. На нем намечено заслушать и обсудить доклады: «О задачах педагогических коллективов школ по совершенствованию уровня обучения и воспитания учащихся в условиях завершения перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи» и «О повышении роли комсомольских и пионерских организаций школ в идейно-политическом воспитании и развитии общественной активности учащихся».

На этом же совещании будут подведены итоги социалистического соревнования школьных коллективов, состоится чествование юбиляров и ветеранов педагогического труда.

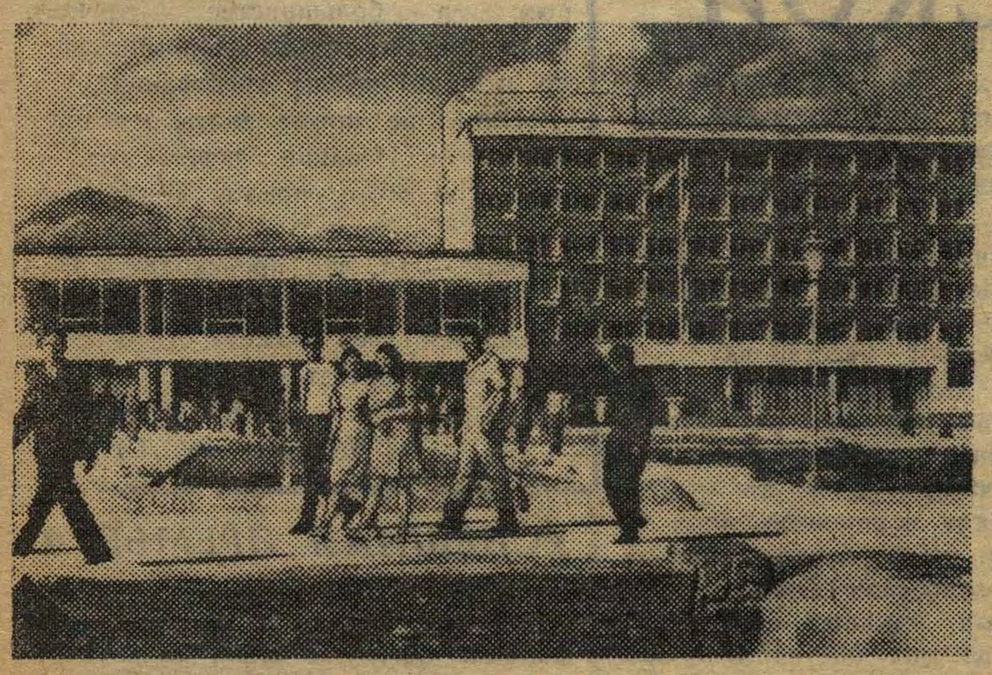
Вечера в Доме культуры

В прошедшую субботу в Норском сельском Доме культуры состоялся тематический вечер «Маяки девятой пятилетки». Он начался беседой о лучших людях области, района и села, победителях социалистического соревнования. Потом участники художественной самодеятельности читали стихи и исполняли песни, прославляющие людей труда. С приветствием выступили пионеры.

Комсомолка Людмила Петрова 3 августа выступила с беседой о Всесоюзном дне железнодорожника.

Позавчера в Доме культуры проведен устный журнал, посвященный 125-летию со дня рождения замечательного французского писателя Ги де Мопассана. Мероприятие подготовили старшеклассники Норской школы.

Л. ПЯТЕРИКИНА.



Киргизская ССР. Ежегодно благоустраивается и расширяется зона отдыха на берегах высокогорного Иссык-Куля. В этом году на Иссык-Куле поправят свое здоровье сотни тысяч трудящихся из различных городов страны.

Недавно открыл двери санаторий «Киргизское взморье» (на снимке).

Фото Н. Жиганова. (Фотохроника ТАСС).

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Золушка, которая любит оленину

Вот что услышал лейтенант.

Палатка Рубахина была раскинута километрах в пятнадцати от поселка, где были хорошие корма для оленей. Недели две назад Захар поехал искать пропавшую матку с олененком. Вдруг услышал лай своих собак. По кому лают — старик догадался. И не ошибся. Это был медведь.

— Здоровый? — спросил Ломихин.

— Нет. Молодой.

— Убили?

— Убили, убили! — рассердился вдруг старик. — Ты слушай, не мешай!

В стороне лежал олень. Та самая пропавшая оленуха, которую охотник искал. Брюхо разворочено, внутренности рядом — наполовину съедены. Тут же лежал и олененок с вырванным животом. От останков, на которых уже кишели мухи, исходило сильное зловоние.

Захар не был зол на медведя, потому что убил его, да и глупо злиться на медведя. Но молодую важенку было жалко.

Вдруг он разглядел, что горло оленухи не порвано зубами, а перерезано ножом, и живот вспорот ровно, и задняя ляжка аккуратно освобождена от шкуры, а мякоть срезана.

Старик стал перебирать в памяти всех жителей Балыктака — а он всех знал, потому что часто ездил в поселок продукты покупать, и гулять туда ездил. Не смог понять, кто это сделал. Сильно обиделся.

Сегодня утром он нашел еще одного зарезанного оленя.

Тот, кто резал, знал толк в оленине: язык взял, мякоти взял, а печень оставил, и Рубахин на его месте тоже не стал бы брать эту печень, потому что было видно — больная... Следы от оленьей туши шли к ключу, и там на песке четко обозначился след резинового сапога, рисунок елочкой. Но дальше неизвестный, видимо, долго шел по воде, а где свернул и вышел из ключа — старик не мог найти.

— Тогда я сюда поехал. Мясо хорошее совсем. Наверно, придут за ним. Засаду надо делать.

— Засаду, говорите? — Ломихин задумался.

Все это вполне походило на правду. Но в тайге, как все утверждали, был из Балыктака только Пашка. И если оленя резал Пашка — тогда сомнительно, что золото он унес этому охотнику... Тогда — кому?..

Или все-таки в эту историю вмешан еще кто-то?..

Ну, а если все рассказанное — неправда, то зачем это рассказывается?

Лейтенант поглядел на Рубахина и спросил в упор:

—Письменчук много рыбы поймал?

— Э? — старик вынул трубку изо рта. — Как ты говорил?

— Письменчук. Он же ваш гость!

— Письменчук? Который письма носит? Коротков?

— Нет, не почтальон... Фамилия такая. Зовут Пашка,— внимательно глядя на Рубахина, лейтенант стал перечислять Пашкины приметы, какие сам знал. — Ну, молодой, рыженький...

— А! Рыбак Пашка? Недавно тут живет?.. Зачем гость? Он не был у меня. Я его совсем маленько знаю. Весной в Балыктак ездил — видел. Думаю, начальник, это не Пашка резал.

— Почему так думаете?

— Пашка весной мою «Спидолу» чинил, я ему мяса давал — он не брал, стеснялся Не жадный.

— Значит, не взял?..

— Потом взял! — кивнул дед.

— Ну вот, — усмехнулся Ломихин.

— Совсем забыл! — старик вдруг полез в карман. — Улика есть! Улику нашел сегодня. возле оленя... Вот!

Ломихин взял протянутый ему предмет.

Это был складной ножичек. Фасонистое, как у самурайского меча, маленькое лезвие ловко пряталось в рукоятку, имевшую вид женской серебряной туфельки. Вещица была явно самодельная, но очень аккуратной работы.

— Вот какая улика. Поехали засаду делать, начальник. Наган бери, бумагу тоже бери: поймаешь — в тюрьму запишешь...

Ломихин вертел в руках ножик, раздумывая. Первой мыслью было — ехать со стариком немедленно. Но... имеют ли отношение к пропавшему золоту зарезанные олени и неизвестная Золушка, потерявшая эту «туфельку»? Стоит ли терять время? В поселке ведь много работы — стольких еще надо допросить.

Лейтенант был в затруднении.

Уж не рвусь ли я в лес из-за того, что просто хочется, как мальчишке, прокатиться на оленях? — подумал он.

В кабинет заглянул Козлов, уже вернувшийся с драги.

— Пройдите к рации — вас спрашивают.

Ломихин встал, пошел за Козловым, и вдруг в голове у него мелькнуло: «А если я просто кому-то здесь мешаю, и меня хотят заманить в тайгу?» Но тут же эта мысль показалась ему трусливой и глупой.

А ехать надо! Золото в тайге, и Пашка где-то в тайге. Поездка, возможно, позволит выяснить что-то новое.

И когда сел за рацию, уже окреп в своем решении.

Он плотно прикрыл за собой дверь и всеми силами старался говорить потише — тем не менее пришлось орать так, что чуть горло не сорвал. Козлов, стоявший в коридоре, понял, что лейтенант говорил с майором, начальником райотдела — сообщил о приезде охотника и о том, что сам собирается в тайгу.

Кончив разговор, лейтенант вышел в коридор, увидел стоявшего там начальника и зло сказал ему:

— В следующий раз, Федор Станиславович, не стойте, пожалуйста, под дверями. Не солидно, знаете ли. И не обязательно...

— Уж мне, сироте, и податься некуда! — ухмыльнулся Федька. — Кабинет вы заняли.

— Сию минуту освободим.

— Так со сполосчицами-то будете беседовать?

— Нет, сегодня не успею, скажите им.

На улице Рубахин отвязал своего верхового оленя, лейтенанту подвел другого, тоже оседланного.

Сидевшие на лавочке балыктакцы — и среди них дед Бянкин — заинтересованно умолкли.

Лейтенант взял повод — удивился: вожжа была только одна, правая. Глянул на седло — стремена отсутствовали. Хм... Он стал смотреть, как будет садиться Рубахин.

Тот зашел к оленю не слева, как к коню, а справа. Седло было старику на уровне плеча. Как же он обходится — без стремян-то?

Охотник оперся правой рукой на палку, занес вперед левую ногу — и неуловимым прыжком взлетел в седло.

Ломихин нерешительно потоптался, задрал ногу — олень шарахнулся... На лавочке захихикали.

Охотник подъехал, забрал у Ломихина повод и подвел оленя к лавочке:

— Садись со скамейки, я держу... Э, спину не сломай, не лошадь тебе!..

Тронулись. Впереди Рубахин, за ним пять оленей в связке, и сзади — Ломихин, поглощенный подробностями непривычной езды. Седло ходило под ним ходуном. А рога?.. Ничего, до глаз, кажется, не достанут, не должны.. Ну, Пржевальский, вперед! — усмехнулся про себя Ломихин. Чем не транспорт — олень. А вертолета не будет. Майор сказал, что в поселках, что ниже по Оскору, наводнение. Учугей — так тот весь залило, дома плавают. Вертолета не жди, лейтенант!

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 91, 93).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

ЛАГАПСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ПАРТИИ на постоянную работу требуются:

квалифицированные плотники,
бульдозерист на бульдозер С-100,
кайр-проводник,
электрослесарь,
тракторист на трелевочный трактор ТДТ-40 М.

За справками обращаться в отдел кадров. Телефон 3—51.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак № 94.

ВЕЧЕР СТРОИТЕЛЕЙ

В прошедшую субботу в Токурском клубе состоялось торжественное собрание, посвященное Дню строителя. С докладом выступила секретарь цеховой партийной организации строительно-монтажного участка Н. И. Гущина.

Затем состоялось вручение наград. Почетные грамоты получили бригадир плотников А. А. Гончаров, штукатуры М. Я. Бояринова, Л. Н. Власова, В. С. Барановская, плотник Р. Г. Баумгардт. Денежной премии удостоены рабочий пилорамы П. Г. Вибе, слесарь-пилоправ Ф. С. Харевский, сантехник А. К. Далл, плотник В. Ф. Курочкин, бригадир каменщиков А. П. Кирильченко, подсобная рабочая Н. И. Лопатина.

После официальной части состоялся концерт, поставленный участниками художественной самодеятельности Токурского клуба и районного Дома культуры.

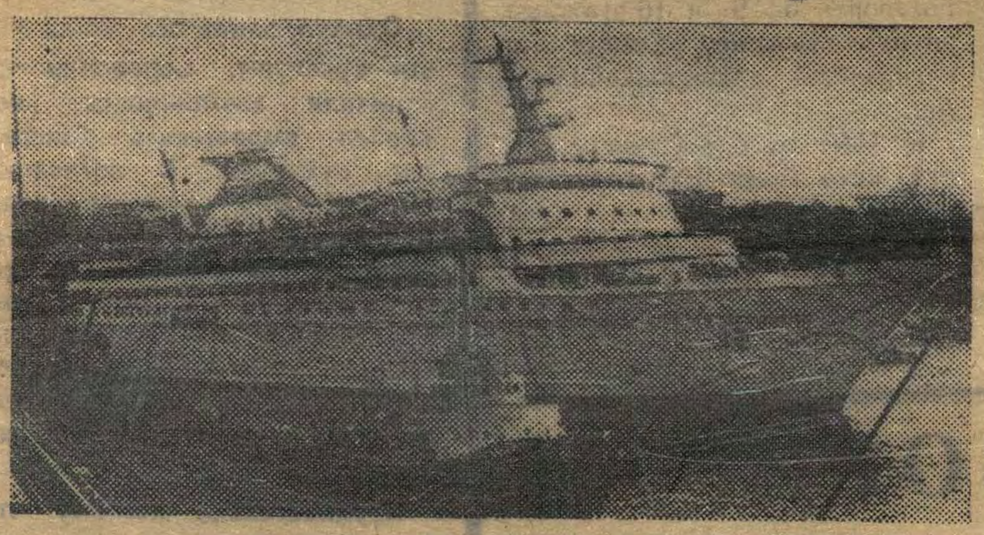
Н. ИВАНОВА.

Школам помогают шефы

Ремонт здания Огоджинской школы закончен досрочно — 31 июля приемная комиссия подписала акт о готовности школы к приему детей. В ремонте школы участвовали и шефы — коллектив Огоджинской ЦЭС. Оборудование физического кабинета, ревизия отопительной системы, ремонт канализации — вот далеко не полный перечень того, что сделали энергетики. Зато их дети будут заниматься в теплых, просторных и хорошо оборудованных кабинетах.

Подходит к концу ремонт помещения и Союзненской начальной школы. Осталось покрасить только одну классную комнату. Побелка и покраска производились силами учителей. И не справиться бы им одним с таким большим объемом работ, если бы не родители и не шефы — рабочие 88-й драги. Они помогали в заготовке дров (школа полностью обеспечена топливом) и ремонте мебели. Сейчас дражники 88-й начали строительство школьного спортивного городка. Установили бум, столбы и перекладину для лазания по канату.

Для отдыха на море



Одесса. **По Черному морю курсирует специализированный автопассажирский теплоход «Белоруссия» Черноморского пароходства.**

Туристы могут путешествовать вместе со своим автомобилем, а с приходом в порт взять в гараже теплохода машину и совершить поездку по интересным местам. На судне две автомобильных палубы, где можно разместить 255 легковых автомашин типа «Жигули», 23 автобуса.

В нынешнем году Черноморский пассажирский флот перевезет по голубым дорогам около 25 миллионов любителей морских путешествий.

На верхнем снимке: автопассажирский теплоход «Белоруссия» в Одесском морском порту.

На нижнем снимке справа: работницы теплохода — участницы художественной самодеятельности ансамбля «Березка».

На снимке слева: стюардесса теплохода «Белоруссия» Людмила Дженчако (справа) беседует с пассажирами.

(Фотохроника ТАСС).

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

„Везучий ты, начальник!“

Проводив седоков взглядом, дед Бянкин поспешил к Максимову. Тот лежал на кровати. Едкий запах натираний стоял в квартире.

— Поехал лейтенант на олешках кататься!

— Ну и что?

— А то! Делать ему нечего. Пашка из тайги и так никуда не уйдет. А главарь-то тут шебаршится!

И дед рассказал Ивану Гавриловичу про свою неудачную слежку, про ночное исчезновение Федьки.

— Куда ж он исчезнуть мог? — усмехнулся Максимов.

— Шут его знает! Может, в кувете залег... Помог бы ты мне, Гаврилыч! Вдвоем-то мы бы его распрекрасно выследили.

—Не хватало мне по куветам ползать! — Максимов поднялся и сел, сердито посапывая.

— Куветы я сам обследую, если что, — поспешно заверил Бянкин. — А ты на сухоньком...

— Слушай! — закричал Иван Гаврилович, — когда ты от Федьки отвяжешься? Сыщик тоже!.. Людей ходит смешит!

— Смешу, значит? Вот оно как! — дед встал и пошел к двери. С порога уже сказал:

— Ладно! Нюхай свои скипидары, Максимов! Потом только не говори: мы, мол! С Бянкиным!.. Не примазывайся, понял?

* * *

Вечером опять шел дождь. Федька допоздна засиделся в кабинете. Бянкин из темноты терпеливо смотрел на освещенное крыльцо конторы. Наконец, дверь распахнулась, Козлов вышел на крыльцо.

Постоял минуты две, повертел головой по сторонам.

Домой ему было идти — налево.

Он сошел с крыльца, оглянулся еще раз.

И пошел направо.

Бянкин двинулся за ним — и на этот раз более или менее бесшумно, ибо ради этого был обут в валенки: сначала надел Майкины кеды, чтобы ноги не промочить, а поверх — валенки. Дед крался, не отрывая глаз от высокой Федькиной фигуры в длинном брезентовом дождевике, пересекавшей пятно света от лампочки на столбе. Освещенное место нужно было пересечь и деду. Помедлив, он отважился и шагнул в круг света.

И тут уходивший в темноту Козлов оглянулся.

Дед замер на свету в своих валенках, растопырив руки, как астронавт на Луне. Но Федька повернулся и зашагал дальше. Заметил или не заметил? Дед отчаянно засеменил вперед, торопясь пройти освещенное место.

А Федька уже открывал калитку ближайшего двора.

Это был двор Пасюры. Федька вошел в дом.

Дед приткнулся в темный уголок.

Ждать пришлось недолго. Хлопнула дверь, потом калитка, и Федька снова вышел на улицу. Но, вопреки ожиданиям, пошел не в том направлении, куда вчера, а повернул назад.

Дед даже разочаровался: «Домой, что ли?» — однако решил не отставать.

А Федька шел не спеша, словно прогуливаясь, задумчиво опустив голову.

Когда дед с замиранием сердца снова пересекал пятно света под столбом, Федька вдруг круто повернулся и двинул прямо на Бянкина, все так же задумчиво глядя под ноги. Федька приближался, и дед стоял, проклиная себя за оплошность.

Федька подошел, поднял голову — и дед вздрогнул.

Из-под капюшона ему безмятежно улыбалось лицо Пасюры.

— Шо, диду, моцион совершаем?

— А... Федька где?

— Кто? — удивился Пасюра. Даже глаза выпучил.

На нем был Федькин плащ. Федькин — и ничей иной!..

Дед затейливо выругался.

— Такие старые — и так ругаемся! — укоризненно сказал Пасюра и пошел к дому.

Дед добрел в размокших, гудовых валенках до лавочки, устало присел. Было ясно, что его просто-напросто разыграли и обвели. Пока он крался, как глупый котенок, за Пасюрой, Федька, конечно же, опять ушел! Попросил Пасюру отвлечь его, Бянкина — и ушел.. Но Пасюра — неужели и он замешан в этом деле? Вот уж на кого трудно подумать!..

Что ж, пока — два ноль. В вашу пользу, Федор Станиславович!

* * *

Рубахин и лейтенант проехали отвалы и стали подниматься вверх по ключу. Тропа здесь была выбита ногами в торфянистой почве до песка, она была прошита корнями лиственниц и усыпана их прошлогодней медной хвоей.

Потом свернули влево, пересекли ключ и дальше ехали уже без тропы. Лейтенант пытался сначала запоминать направление, но вскоре бросил: солнца не было, лес вокруг стоял какой-то одинаковый... Его верховой бежал за передними оленями не отставая, лейтенант только отводил рукой мокрые ветки, чтобы не хлестали по глазам. Рубахин ногами в замшевых унтах постукивал своего оленя по бокам, по передним лопаткам, назад не оглядывался.

В Ломихине против воли шевелились всякие опасения — он то и дело, задрав полу плаща, щупал кобуру пистолета.

В густом болотном багульнике стали попадаться обширные каменистые проплешины, поросшие ягелем, лес пошел чахлый, редкий.

Вдруг Захар остановил оленя. Оглянулся и махнул Ломихину рукой. Тот подъехал.

— Дым! — тихо сказал старик. — Вон, видишь?

Лейтенант глянул вперед. Голубой жидкий дымок плавал между редких лиственниц, плоско стелился понизу, словно расплющенный тяжелым от влаги воздухом.

— Как раз на том месте олень зарезан! — старик говорил глухо, взволнованно. — Значит, пришел кто-то к мясу! Теперь тихо надо... Ай, начальник, везучий ты!

Проехав еще немного, привязали оленей и двинулись пешком по густому мокрому багульнику. Старик шел впереди. Вот он резко остановился, слегка присел...

Впереди, на каменистой, поросшей ягелем полянке, чадил костер. У костра, к ним боком, сидел человек. Ближе лежала развороченная оленья туша...

— Уже покушал? — закричал старик, снимая с плеча карабин.

Человек вскочил, уставился на них. Его лицо было все в черных полосах копоти. Из рук выпало что-то в полузатухший костер — взметнулся пепел.

Захар, обойдя оленью тушу, приблизился к чумазому — и вдруг опустил карабин:

— Начальник! — повернулся он к лейтенанту. — Ты как узнал? Пашка это!.. Который письма...

Ломихин подошел к костру.

— Вы Письменчук?

Чумазый таращился на милицейскую форму, глазные белки горели.

— Да, — сказал он. — Искали меня?

— Искали, — лейтенант сел на кучу хвороста у костра, поднял выпавший из Пашкиных рук ольховый прутик с насаженным на него куском мяса. Сдул пепел, надорвал кусок. Остывшее уже мясо сверху обуглилось, а внутри краснела сырая мякоть.

— Ну и как оленинка?

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 91, 93, 94).

Редактор В. Т. САФРОНОВ

ЛАГАПСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ ПАРТИИ на постоянную работу требуются:

квалифицированные плотники,

бульдозерист на бульдозер С-100,

кабр-проводник,

электрослесарь,

тракторист на трелевочный трактор ТДТ-40 М.

За справками обращаться в отдел кадров. Телефон 3—51.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография—4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 96.

ФОТО-информация

Болгария. Закончились съемки фильма «Солдат из обоза», посвященного 30-летию Победы над фашистской Германией, боевому братству советских и болгарских воинов.

Сценарий этого кинорассказа о минувшей войне написан болгарскими авторами С. Дудовым и А. Ценевым совместно с советским кинодраматургом А. Леонтьевым. Постановщик фильма — заслуженный деятель искусств Белорусской ССР И. Добролюбов. В картине участвуют советские и болгарские артисты.

На снимке: кадр из фильма «Солдат из обоза».

Фото БТА — ТАСС.

Дагестанская АССР. Высоко в горах раскинулись живописные постройки древнего аула Кубачи. Из рода в род передается здесь замечательное искусство художественной обработки ценных металлов.

С первого класса в местной средней школе введен специальный предмет «Основы кубачинского искусства». За десять лет учебы ученики овладевают высоким мастерством.

Работы юных кубачинцев отмечены золотыми и серебряными медалями ВДНХ, экспонировались на международных выставках, в том числе в Лондоне, Париже, Токио, Нью-Йорке, Монреале.

На снимке: ученицы 9 класса школы И. Омарова (слева) и Н. Таилова отбирают работы для выставки.

(Фотохроника ТАСС).

5 месяцев вместо недели

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

МЫ ЖИВЕМ в ведомственном доме Огоджинской ЦЭС. Подали заявление с просьбой отремонтировать квартиру, потому что зимой стены промерзают, через щели в срубе и трещины в штукатурке несет холодом, от которого спасались на кухне. А летом плохо сделанная штукатурка местами отваливается. Комиссия, в составе которой были также директор станции и начальник энергопоезда, заключила: да, ремонт необходим и он будет сделан.

Нас попросили на время ремонта квартиры перебраться в общежитие. Пришла стройучастковая бригада, но за ремонт не взялась, т. к., по ее мнению, предложенная оплата не соответствует объему работ. Дело было в апреле, еще снег лежал.

Миновал месяц, ремонт не начинается. Звоним начальству, обещают прислать бригаду из Огоджи. Ждем еще месяц. Из общежития нам предложили переселиться в пустующую квартиру. Она в нашем же доме и там та же картина, только вдобавок в кастрюлю вместе со штукатуркой попадает грязная вода, которая просачивается через потолок.

Мебель отсырела, вещи портятся. Скоро детям в школу. И зима — не за горами.

Если бы не обещали ремонт, то за 5 месяцев мы бы и сами как-то его сделали. Потеряв надежду, мы кое-как сложили плиту, замазали стены и потолок там, где отвалилась или полопалась штукатурка. Но мы ведь не специалисты. Да и материал нужен. Сейчас приходится спешно заканчивать этот, с позволения сказать, «ремонт». Надо еще побелить, покрасить и внутренние завалины засыпать: в подполье картошка замерзает. Сумеем и успеем ли? Тем более, что времени нет.

СИДОРОВЫ.

п. Экимчан, ул. Лесная, 20.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Наш корреспондент побывал в этом доме. Он не старый, стоит всего лет пять. Добросовестной бригаде работы там было максимум на неделю. Не сказать, что в Огодже не думали о ремонте квартиры Сидоровых. Оттуда прислали отопительные радиаторы (правда, экимчанские сантехники не сообразили, как же они устанавливаются), на день приезжал штукатур (правда, объем сделанного им вряд ли окупил командировочные расходы).

Сидоровы понимают, что и в Огодже строителям работы много, поэтому взялись за ремонт сами и надеются до «белых мух» перейти в свою квартиру. Ну, а та, которую они сейчас занимают? На ее ремонт тоже месяцев пять тратить придется? В Экимчане не так уж «жирно» с квартирами, что они по полгода пустовали.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Рюкзак на тропе

— Так... это самое...—Пашка повернулся к охотнику. — Это, наверно, ваш олень, дядя Захар? Извините... Голодный я был, как собака.

— Полмесяца назад—опять голодный был? — Рубахин тоже сел и стал набивать трубку, не глядя на Пашку. — Я в поселок приду, коров стрелять стану. Скажу: голодный, извините!

— Но я же его не стрелял!

— Правильно, — кивнул старик. — Ножом резал.

— Да вы что?.. Я нашел его такого! Недавно. Вот — часа два назад!

— Откуда же ты шел? — Ломихин внимательно разглядывал Пашку, ни плаща, ни куртки на нем не было, от мокрых, разодранных на колене брюк валил пар. На рукаве выгорела большая дыра, и на покрасневшей руке в этом месте белел волдырь.

— Я сам не пойму, откуда.

Пашка снова опустился на валежину, с которой недавно вскочил. Ломихин знал, что Письменчуку двадцать один год и что он уже отслужил армию, но дал бы ему на вид семнадцать — щуплый рыжий подросток.

— Короче, я заблудился. Трое суток уже бегаю. Выходил, кажется, на Оскор — большая река. Одну ночь там провел, под скалой... Наутро думал, думал, куда идти. Пошел — опять тропы не найду никак. Дождь льет, солнца нет — запутался совсем. Эту ночь тут где-то недалеко ночевал. Кору снял с гнилого пня, балаганчик сделал — так и спал. Обгорел у костра, — он показал волдырь сквозь дыру на рукаве. — А сегодня вот нашел мясо, поел...

— Ну, хорошо, — сказал лейтенант. — А ты донес-то хоть благополучно?

— Что донес?

— То, что взял ночью на отвалах, из сапога?

Пашка, подняв брови, молчал с минуту.

— Из какого сапога? Вы о чем?

— Когда ты шел из поселка, что ты делал на старых дражных отвалах?

— Дак... что делал? Прошел отвалы — и все. Дальше пошел.

— А когда вернулся с Илькана?

— Я же не добрался до Илькана! — воскликнул Пашка. — Заблудился, говорю. В первый же день тропу потерял.

— Как ты смог ее потерять? — Лейтенант вспомнил тропу, выбитую до песка, размытую потоками воды. — Там тропа, что твоя траншея!

— Да я... глухарей гонял. Глухари взлетели — ну, я рюкзак скинул на тропу — и за ними. Скрадывать. Подойду ближе — а они снимутся и летят черт те куда. Пуганые какие-то...

— Конечно, олень не пуганый, — сказал Захар, подшевеливая костер. — Олень спокойный. Поманил — зарезал.

— Да не резал я!

— Ну, улетели глухари, а дальше? — вмешался лейтенант.

— А я хотел вернуться — и заблудился. Тут дождь начался. Я бегал, бегал — и запаниковал...

— Запаниковал... Ты же, все говорят, таежник?

— Ну, таежник, — забормотал Пашка, опустив голову. — Я этих мест не знаю. На Илькан только раз ходил, еще снег лежал. На мормышку ходил рыбачить, подледно...

— Значит, в этот раз ты в Ильканском зимовье не был?

— Не был.

— Почему же там оказался твой плащ? Зеленый с черным капюшоном?

— Не знаю, — протянул Пашка. — Плащ в рюкзаке остался, а рюкзак на тропе. Может, кто его принес в зимовье?

— После тебя, Письменчук, никто туда из поселка не ходил.

— Ну... дядя Захар! Вы, наверно, знаете: как идешь по тропе — справа старый лабазок стоит, на трех деревьях, костылями сбит?

— Знаю.

— Вот там я рюкзак бросил. Думал — легко найду, лабаз приметный, а оно вон как...

— Далеко отсюда этот лабаз? — повернулся лейтенант к Рубахину.

— Какой далеко! Рядом. Эту сопочку перевалить. Два километра, наверно, будет.

— Поехали-ка туда, Захар Афанасьевич! — Ломихин встал.

— Маленько подожди, лейтенант! — Захар тоже поднялся и сердито сказал Пашке:

— Мясо кушал? Остальное пусть гниет?

Пашка насторожился.

— Чего смотришь? Работай! Нож есть? Другую ляжку обдирай!

— Захар Афанасьевич! — с досадой сказал Ломихин. — После свежевать будем!

— Нет, пусть работает маленько! — заупрямился старик и крикнул Пашке: — Давай, шустро!

Пашка хмуро поднялся, вынул из ножен невероятных размеров охотничий нож и пошел к туше. Стал вспарывать шкуру на задней нетронутой ляжке. Захар привел оленей и стал наблюдать за Пашкиной работой.

— Живей, ты! Неживой, что ли?

Пашка, надув губы, ковырялся в мясе, вывозил его в шерсти, шкура снималась плохо.

— Аккары ндя! — презрительно сказал охотник. — Уйди. Баба. Вот как надо.

Он быстро сделал ножом круговой надрез у сустава, потом бросил нож. Схватил край вспоротой Пашкой шкуры, оттянул ее и стал толчками совать сухонький кулак между шкурой и мякотью. Шкура отделялась аккуратно, чистенько.

— Вот так надо, таежник! И старик посмотрел на лейтенанта:

— Спешишь, начальник? Ладно. Едем на лабаз!

Ломихин подвел оленя к валежине и на этот раз взобрался в седло самостоятельно. Захар подвел Пашке своего верхового, сам сел на другого — в неудобную грузовую седелку, и они поехали. Пашка вертел головой по сторонам, крикнул Ломихину:

— Я тут вроде был!

— Не вертись! — сухо оборвал его лейтенант.

Олени вынесли их на невысокую сопку, дальше начался пологий спуск. Продирались через густой ерник. Впереди взлетели три черных глухаря. Ломихин вздрогнул — и долго следил за ними. Глухари летели метров двести и уселись на высоких лиственницах.

— Они самые, наверно! — Пашка опять заерзал в седле. Видите, как далеко улетают!

Вдруг он завопил:

— Тропа!

И Ломихин тоже увидел знакомую тропу, желтой полосой прорезавшую темную зелень багульника.

— Хе! — усмехнулся Рубахин. — Ты думал — двадцать километров идти? Вон лабаз — видишь?

Проехали по тропе.

— Вот он! — заорал Пашка.

Да, рюкзак лежал прямо на тропе: большой, туго набитый, потемневший от влаги.

Когда Ломихин развязал его, Пашка пробормотал:

— Плащ сверху лежал. Не знаю, куда делся...

Ломихин стал вынимать и осматривать содержимое.

Три буханки хлеба, сухарь, пакеты с супами-концентратами, коробка какая-то...

— Что в ней?

— Блесны.

Лейтенант открыл коробку. Верно, блесны. И жестяная баночка из-под вазелина. Тряхнул:

— Крючки?

— Ну. Мелкие, на харюзов.

Ломихин открыл баночку.

В ней оказались уже знакомые ему желтенькие песчинки. Как в том пузырьке. И тоже немного — щепотка.

— Хорошие у тебя крючки. На память оставил?

— Ай-я-яй! — зашептал Рубахин, присев на корточки и качая головой. — Украл? Опять голодный был?

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 91, 93, 94, 96).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография—4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 97.

Международная олимпиада школьников

В Москве состоялась Международная олимпиада школьников по русскому языку. В настоящее время русский язык изучает в школах 42 зарубежных государства.

В Московской олимпиаде приняли участие победители национальных конкурсов — представители почти тридцати стран.

Условия Олимпиады предусматривали проверку уровня владения языком и знаний о Советском Союзе в трех комиссиях.

На снимке: участники олимпиады — школьники из Португалии Жоан Мануэл Соуза Альвиш Перейро Боту и Алешандра Боту Биана Фернандиш. (Фотохроника ТАСС).

У нас, на Дальнем Востоке

ПОДВОДНЫЕ «ФЕРМЫ»

В одной из бухт залива Посьета на водной глади можно видеть ровные ряды поплавков. К ним подвязаны своеобразные «гирлянды» из старых плоских раковин — коллекторы. В июне, когда прогрелась вода, на опущенные в море раковины начинают оседать личинки промыслового моллюска — гребешка.

За первой морской фермой на Дальнем Востоке наблюдают сотрудники Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, в котором имеется специальная лаборатория морской аквакультуры. Выращивание моллюсков — дело сложное, требующее точных знаний. После прикрепления моллюски быстро растут. Через два месяца гребешки диаметром около сантиметра покидают коллекторы. Начинается донный период их жизни. И здесь люди научились помогать им. Чтобы будущее «поголовье» фермы уцелело от прожорливых морских хищников, маленьких гребешков помещают в специальные садки — контейнеры. В них они и вырастают.

Сейчас на морской ферме набирает вес миллион гребешков. Некоторая часть из них — первая партия — достигла шестилетнего возраста. Это уже взрослые съедобные двустворчатые моллюски.

Успешным оказался опыт и по организации «морских огородов». К востоку от города-порта Находка на побережье Японского моря есть удобная бухта Валентин. Она с давних пор славится обилием различных морских растений. Ученые решили использовать эту ее особенность. Именно на ее акватории были размещены под водой большие металлические рамы-каркасы с натянутыми канатами. На них наносятся споры морской капусты — ламинарии, которая уже давно завоевала славу хорошего пищевого продукта и целебного средства. Споры прикрепляются к канатам, начинают прорастать. Из маленьких побегов развиваются за два года листья-слоевища длиной до шести метров. Каждый такой «листок» весит до полутора килограммов.

Сейчас плантация расположена почти на тридцати гектарах. В этом году получен первый богатый урожай — сотни центнеров первосортных слоевищ.

Гребешок и ламинария — только начало. Сейчас ведутся работы по искусственному разведению трепангов и мидий. В скором времени в заливе Петра Великого появятся и другие подводные «фермы». Ученые думают разводить вкусную дальневосточную камбалу, окуня-терпуга, крабов. Человек учится не только брать морские богатства, но и умножать их.

М. РЫБАКОВ.
Корр. ТАСС.

Владивосток.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Сема рассказывает побасенки

Лейтенант закрыл баночку, спрятал ее в нагрудный карман.

— Что теперь скажешь, Письменчук?

— Товарищ лейтенант! — Пашка закричал так, что голос сорвался, — не знаю, откуда это... Я туда крючки ложил. На харюзов!

— И на Илькане не был?

— Нет! — взвизгнул Пашка.

— В зимовье, — ровным голосом заговорил Ломихин, — в твоем плаще нашли аптечный пузырек вот с такими же... крючками. Теперь слушай: из Балыктака в эти дни никто, кроме тебя, не уходил. Но в эти же дни из поселка унесли золото. И вот — золото в твоем плаще, золото в твоем рюкзаке, сам ты жуешь горелую оленину, сидя возле воровски зарезанного оленя — и строишь из себя младенца!

Чумазое лицо исказила гримаса, зубы блеснули, Пашка упал лицом в развороченный рюкзак и затрясся в плаче.

— Ай-я-яй! — развел руками старик.

— Без истерики! — сказал лейтенант. Пашка завыл в голос, поднял голову с рюкзака, опять уронил.

— Я не знаю!.. Я блу... ык!.. Я блуди-ил!..

Ломихин вынул из кармана ножик-«туфельку»:

— А это где потерял — не помнишь?

Пашка глянул на туфельку, и глаза его, застланные слезами, широко раскрылись.

— Что молчишь?

Пашка заморгал, вытер слезы, сунулся лицом к «туфельке», потом длинно всхлипнул и передернулся всем телом.

— Ну вот! Я же говорил!

И вдруг криво улыбнулся.

— Это не я!.. Это не мой ножик!..

— А чей?

— Не мой, не мой! — бормотал Пашка как помешанный, не отрывая глаз от маленького серебряного предмета на ладони лейтенанта.

— Так чей же?

— Сёмы это!.. Сёмы Ящур!.. в общаге живет... Он мне показывал...

* * *

Назад ехали уже в полной темноте.

Рубахин цокал языком, подбадривая оленей, которым вовсе не хотелось на голодное брюхо тащиться невесть куда, все дальше от знакомых пастбищ, от гуляющего на воле стада.

— Мо! Мо! — кричал охотник на оленей. — Модо!

Ломихин нахохлился в седле, вытирая время от времени мокрое от дождя лицо. В темноте он не мог различить даже рога и голову своего оленя. Слушал, как потрескивают оленьи копыта — странный звук, словно яичница жарится — и пытался размышлять.

Золото в плаще, золото в рюкзаке... Вообще-то все это создает впечатление чего-то назойливого... Словно кто-то намеренно накачивает улики, подсовывая там и сям эти жалкие щепотки...

Видимо, не один Пашка все-таки бродил эти дни в тайге! Но кто еще? Сёма?.. «Извиняюсь за режим питания!» — вспомнил лейтенант. Фрукт он любопытный — этот Сёмка Ящур. Но «туфелька», найденная возле оленьей тущи, еще не говорит о том, что Сёма замешан и в историю с золотом...

— Слушай! Письменчук! — громко окликнул лейтенант.

— Что? — отозвался из темноты Пашка, ехавший впереди.

— Ты знал, что в большую воду рыбачить бесполезно?

Трещали оленьи копыта, Пашка медлил с ответом.

— Ну, знал.

— Зачем же пошел на рыбалку?

— Это мое дело!.. То есть... это к делу не относится, к золоту... В общем, есть причины!

Голос у Пашки был похож на глухой, сбивчивый лай.

— Какие причины?

— Мое дело! — выкрикнул Пашка с каким-то отчаянием.. — Понятно? Нужно было, вот и пошел!

Ломихину вдруг расхотелось говорить, думать. Дневные хлопоты, езда, напряжение, Пашкина нервозность — все это утомило его. Он опять нахохлился, уткнул нос в воротник плаща.

Уют — понятие относительное. Уют бывает и такой — в седле, дождливой ночью, на глухой, изматывающей душу тропе. Только надо отпустить свои мысли на свободу, пусть текут, как им хочется — и станет хорошо... И лейтенант отпустил свои мысли на свободу, и они побежали из ночи в день, они побежали на драгу, и он увидел золото на лотке... золото... что — золото?.. Из-под красной косынки — такой насмешливый, такой короткий взгляд — а что дальше, уважаемая Авдеева Светка?.. Самый великий человек на свете хохол Пасюра, насмешливый парторг, премудрый поселковый кум...

Лейтенант покачивался в седле, не чувствуя ни дождя, ни ночи, ни бесконечности пути, а чувствуя только рассеянную улыбку на собственном лице... Таков он, уют ночного путника, усталого до смерти, но живого, черт побери, несмотря на все ваши тряские, оленьи, невыносимые километры!..

Когда доехали до первого поселкового дома, Ломихин и Пашка спрыгнули с седел. Старик отказался ночевать в поселке.

— Олени голодные, надо отпускать кормиться. Жена в палатке переживает: думает, в засаде я сижу. Внук не спит, наверно. Поеду домой, в палатку.

— В ближайшие дни никуда не откочевывайте! — сказал Ломихин. — Нужны будете.

— Куда кочевать — такая вода кругом. Телят топить?.. Начальник! Иди-ка сюда!

Наклонившись с седла, старик прошептал:

— Золото — не знаю, кто брал. Оленя — не Пашка резал!

— Откуда вам известно?

— Который резал — обдирать умеет. Пашка — я смотрел — не умеет...

* * *

В общежитии был один белобрысый Толик: он лежал в постели и курил на сон грядущий, слушая по транзистору «Песняров».

— Где Ящур? — спросил Ломихин.

— Где ж ему быть? На бульдозере он, в ночь, — Толик выключил транзистор, раздавил на нем окурок и натянул одеяло на голову.

Пашка, качаясь от усталости, разбирал свою постель. Ломихин тоже прошел к себе в комнату, разделся и моментально уснул.

* * *

Наутро он встал рано. Толик уже ушел на работу, а Пашка еще спал, когда явился Сёма.

— Как улов, лейтенант?

— Да вот... Хотели с Пашей харюзков половить, да крючки пропали.

— Паша тут? — Ящур, кажется, не обратил внимания на упоминание о крючках.

— Тут, — лейтенант прошел в комнату, тряхнул Пашку за плечо:

— Хватит спать. Оденься, погуляй.

И вернулся на кухню. Сёма уже возился у печки, колол щепки на растопку.

— Я тут, лейтенант, случай вспомнил. Из далекого прошлого, когда золото делало с людей я не знаю что. Не интересуетесь послушать? Там тоже золото было в бутылках, как и в вашем случае...

В комнате Пашка шлепал босыми ногами по полу. А Сёма поджигал растопку, наполнял водой свою закопченную кружку и между тем продолжал:

— На одного деда капнули куда положено: мол, незаконно моет золото и в бутылки прячет. Ну, приходят к нему: «Сколько у тебя бутылок, такой-сякой папаша?». А дед: «Ей-богу, — говорит, — одна!» Ну, одна так одна. Пошли на огород, он показал на грядку: здесь закопана! Они роют, а деда черт за язык дернул: бегает вокруг и приговаривает: «Одна всего бутылочка, граждане начальники! Черная такая, портфейная!» Они вырыли — а бутылка-то белая, водочная! Перепутал, бедный, грядки... «А ну, — они говорят, — старый хрыч, теперь показывай, где у тебя и та, портфейная!»... Деда чуть кондрат не хватил...

Пашка вышел в прихожую. Обулся, косо поглядывая на Сёму, и вышел. Сёма заметил этот взгляд, насторожился.

— Да, — сказал Ломихин. — Рассеянный старик был.. Кстати, о рассеянности. Вам, Ящур, знакома эта вещица?

И положил на стол ножик-«туфельку».

Глаза у Сёмы растерянно заметались, кадык прошмыгнул по шее, как вороватая мышь...

— Знакома, лейтенант... Что вам еще понравилось в моем чемодане?

(Продолжение. Начало в №№ 82 — 91, 93, 94, 96, 97).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография — 4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 **Экимчанский филиал Свободненской городской типографии** **Цена 2 коп.** Зак. № 98.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Сема называет имя „Золушки“

— Ваш чемодан я пока не осматривал, Ящур. Этот ножик нашел охотник Рубахин возле зарезанного оленя. В тайге.

— Не может быть!

— Что ж, выходит, Рубахин залез в ваш чемодан?

— Но, лейтенант!.. Да я в жизни не совался в тайгу! Тем более — оленей резать... С моими-то нервами!

— Где вы были позавчера?

— Работал. Ходовую делал.

— Мне, кстати, Козлов жаловался, что вы ее слишком долго делаете.

— Долго? Полностью согласен. Потому что — мучился! Там не бульдозер, а стыд и срам, грубо выражаясь! Весь поселок видел, что Ящуру некогда по тайге бегать, Ящур упирается, как последний передовик... Это Пашка, наверно, стащил ножик!

— Он говорит, что не брал.

— Значит, врет. Уж я-то тут чист, как не знаю кто... Как никто!.. Разрешите посмотреть в чемодан — может, еще что пропало?

— Посмотрите.

Сёма ушел в комнату — и вскоре вернулся. Он был явно чем-то ошеломлен — глаза бегали еще сильнее.

— Ничего больше не пропало?

Сёма пристально поглядел на «туфельку», лежавшую на столе, перевел взгляд на лейтенанта — и вдруг вытянул вперед сжатый кулак. Ломихин отпрянул.

— Виноват! — поспешно извинился Сёма — и разжал кулак.

На ладони поблескивала... еще одна «туфелька»! Он положил ее рядом с первой.

— Не надо говорить, что они похожи! Если даже я сам перепутал!

Лейтенант удивленно разглядывал ножички, открыл у обоих лезвия, вертел, сравнивал. Да, отличить трудно.

— Выходит, не лазил Пашка в чемодан! Моя «туфелька» на месте. А которая у вас — не моя.

— И вы знаете, чья?

Сёма уселся, вздохнул.

— Хорошо. Окажу вам услугу! Знаю я Золушку, которая могла потерять такую туфельку. Эту Золушку зовут Гриценко Виктор. Мы вместе срок тянули. У него было хобби — делать такие ножички. Лезвия он точил из пилы, а под блестиглаз подкладывал фольгу от чая. За две пачки чая он мне отдал один ножичек... Видать, это он кушал вашего оленя!

— Вы уверены, что никто другой?

— Ну, может, и другой... Но ножик — его работы, факт! И, между прочим, он сам откуда-то из этих краев, здешний. А где он сейчас — не знаю. Он вышел в прошлом году, а я — нынче...

* * *

— Вы здесь старожил, Яков Калинович. Знали такого — Гриценко Виктора?

С лица Пасюры сошло всегдашнее насмешливое благодушие.

Его, кажется, насторожил вопрос.

— Был такой. Шофером здесь работал... — и с неохотой добавил: — Моя родня.

— Родня? Какая же?

— Жены сестры мужа двоюродный брат — это как назвать? Седьмая вода, в общем... Мы с ним почти и не знались. А как посадили его за кражу в Оскоре, четыре года назад — так больше о нем слухов не имели... Зачем он вам?

— Другие родственники у него здесь есть?

— Нету.

— А с кем он дружбу водил?

— Та с кем... С такими, как Сёма... Тех дружков давно уже поразносило по свету.

— Козлов его знал?

— Знать знал... Козлов весной приехал, а Витьку посадили осенью.

— Вы никогда не видели у Гриценко такого ножичка? Вот, поглядите.

— Что за финтифлюшка?.. Нет, не видел. Вообще-то, ножи он ловкие делал, но не такие. Серьезные, для охоты.

— Он охотился?

— Тю! Каждую тропку в тайге знал, и ноги имел, как у того сохатого... А мяса сколько пропивал! Всю дорогу его за браконьерство штрафовали.

— Что ж вы на него не влияли?

— Гробовая доска на такого повлияет,—буркнул Пасюра, мрачно глядя в сторону.

* * *

По рации Ломихин доложил в райотдел обстановку и попросил выяснить, что известно о Гриценко Викторе, судимом за кражу в Оскоре четыре года назад

Этот Гриценко целиком занял мысли лейтенанта... Если верить Пасюре, то до заключения Гриценко не мастерил «туфелек» и не мог подарить их никому из балыктакских. Значит, это он сам, собственной персоной, прибыл теперь в родные края! И прибыл так, что его никто не видел. Или почти никто?

Кажется, становилось объяснимым, почему флакон оказался в Ильканском зимовье, хотя никто из поселка туда не ходил. В тайге орудовал Гриценко! И хорошее знание местности, и умение свежевать оленя — все сходится... И не он ли тогда напугал женщин на Савоськином ключе?

Предположим, рассуждал Ломихин, что Гриценко вернулся за золотом. И это золото кто-то для него сунул в сапог. Кто этот сообщник?

Может, Козлов, ездивший к ключу на мотоцикле? Но Козлову, хоть он и начальник, непросто в одиночку похитить золото на драге. Значит, ему помогали? Кто-то из сполосчиц?..

Всю вторую половину дня Ломихин, засев в конторе, беседовал по очереди с драгерами, машинистами, сполосчицами. Он устал задавать бесконечные вопросы и записывать ответы, но узнал мало нового.

Нечто ценное поведал только Шишкин — пожилой драгер с буйно-лохматыми бровями. Когда у Гриценко за браконьерство отобрали охотничий участок, то передали эти угодья ему, Шишкину. И, отправившись в первый раз расставлять соболиные капканы, он нашел в распадке у одного ключа «закопушки» — маленькие шурфы. Кто-то пытался мыть золото.

— Что же вы сразу об этом не сообщили?

— Ну... больше там не рылись. Вручную там много не возьмешь — содержание низкое, разведка это давно показала. А тут Гриценко все равно посадили... В общем, не захотел я ворошить...

* * *

Лейтенант все ждал, когда войдет, наконец, Светлана Авдеева. А когда вошла — оторопел.

Там, на драге, в нелепом прорезиненном костюме, она походила на забавного медвежонка. Теперь от той смешной мешковатости не осталось и следа.

Не медвежонок — львица! В красном мини, длинноногая, в красных лакированных туфлях (как она одолела в них балыктакские хляби?)... Притворив за собой дверь, она сперва помедлила у порога — мол, какова? (брови у лейтенанта поползли под козырек) — потом прошествовала к столу, уселась и навела на Ломихина черные глаза — глаза скучающей императрицы. Тонкий запах духов прострелил плотную табачную атмосферу кабинета.

И вдруг сломался отлаженный механизм допроса. Лейтенанта против воли потащило на игривый, танцплощадочный тон, он даже поднатужился и выдал несколько острот — но все это вышло ни к селу ни к городу, вопиюще не вязалось с главным смыслом разговора. Она смотрела, не скрывая насмешки... Он кинулся в другую крайность: стал задавать вопросы отрывисто, грубо, чувствуя себя при этом деревяшкой, держиморДой, унтером Пришибеевым, и, окончательно смутившись, хамовато ляпнул:

— А вы с Козловым как — ничего?..

Она стремительно покраснела, глаза оделись влагой, нижняя губа жалко покривилась...

Если бы она громко возмутилась, или насмешливо отбрила бы его, или раздавила презрением, как подонка, — было бы веселее жить в этом мире!

Но она долго молчала, а когда ответила, голос сорвался и зазвенел:

— Что вы имеете в виду?

Тоскливо и неприятно стало вдруг лейтенанту... Что-то словно оборвалось. Кончилось — не начавшись... Посидев с минуту в оцепенении, он усмехнулся, сказал зло и твердо:

— Я имею в виду: не было ли у вас с начальником драги... намерения похитить золото? Напомню: дача ложных показаний преследуется по закону.

Она глядела на него испуганно. Нет, ничего такого не было. Не было ничего...

Четко и быстро он закончил допрос. Она расписалась в протоколе, вышла. Ломихин, покусывая губу, поглядел ей вслед. Львица...

Долго сидел один за столом, курил и думал о том, что никакого ему, собственно, дела нет до этого Балыктака. Найти вот только Гриценко и выявить его сообщников, кто бы они ни были — наплевать...

Стемнело. Он включил свет. Перелистал протоколы — такой преснятиной и скукой повеяло вдруг от листов, на которых корявым его почерком были записаны корявые фразы показаний. Писатель...

Но надо было работать. Надо было выяснить, в частности... что?.. ах, да — знал ли Пасюра про «закопушки» на охотничьем участке Гриценко. Ломихин позвонил на квартиру Пасюре, попросил его прийти. И попытался сосредоточиться на чтении своих записей.

Через четверть часа дверь отворилась — на пороге стоял Пасюра.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер. Садитесь!

(Продолжение. Начало в №№ 82—91, 93, 94, 96—98).

ВАЗ-2121 ГОТОВИТСЯ В ПУТЬ

В разных уголках страны можно встретить малолитражки с ладьей на радиаторе — фирменным знаком Волжского автомобильного завода. Но эти машины при всех своих достоинствах все же считаются «городскими», требуют хороших дорог.

Конструкторы предприятия создали автомобиль ВАЗ-2121 для села, который сочетает проходимость вездеходов Ульяновского завода с комфортом и другими данными «Жигулей». У него все колеса — ведущие. Опытные машины прошли строгую проверку в условиях бездорожья и хорошо себя показали.

Подготовка к производству нового автомобиля развертывается уже в нынешнем году. Это записано в социалистических обязательствах коллектива ВАЗа на последний год пятилетки.

Корр. ТАСС.

В Киевском государственном академическом театре оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко состоялась премьера оперы Г. Майбороды «Ярослав Мудрый». Поставил спектакль народный артист УССР режиссер Дмитрий Смолич, оформил народный художник СССР Федор Нирод. Дирижер — народный артист УССР Степан Турчак.

На снимке: сцена из оперы. Ульф — артист Степан Матвеев, Ингигерда — артистка Людмила Кравченко.

Фото П. Здоровило и А. Поддубного. (Фотохроника ТАСС).

Тайна Борисовского ущелья

МАЙКОП. Впервые за всю историю археологических исследований на Северном Кавказе обнаружена стоянка человека позднего палеолита. На юге Кубани, в Борисовском ущелье Черных гор, археологи Адыгеи и Ленинграда завершили частичные раскопки древних скальных убежищ неандертальца. В одной из пещер обнаружены хорошо сохранившиеся останки древнего человека. Ученым удалось обнаружить до 9 тысяч различных предметов, орудий охоты и других находок, представляющих большой интерес для науки.

Исследования в Борисовском ущелье на этом не завершаются: район богат многочисленными памятниками древности — курганами-могильниками, поселениями бронзового и железного веков.

В бассейне одной лишь реки Кизинки, к примеру, свыше 500 дольменов — младших собратьев египетских пирамид. Стоянки людей, живших 10—50 тысяч лет назад, найдены в долинах реки Ходзь, Губс и Романец.

(ТАСС).

Редактор В. Т. САФРОНОВ.

Свободненская типография приглашает учеников наборщика и печатника для работы в Экимчане.

Обращаться к бригадиру Экимчанского филиала типографии.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография—4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 Экимчанский филиал Свободненской городской типографии Цена 2 коп. Зак. № 101.

Владислав ЛЕЦИК

Дед Бянкин, частный сыщик

ПОВЕСТЬ

Гриценко стучит в окно

Гриценко сел на сырую валежину, спиной привалился к пихте, расслабился. Сердце прыгало от быстрого бега по чащобе, в правом боку сильно кололо. Ждал и слушал, успокаивая дыхание.

Больше всего он почему-то боялся, что у тех, с вертолета, могут оказаться собаки. Опасение было глупое, он это хорошо понимал: в райотделе сроду не водилось собак-ищеек, а поселковые полудворняги-соболятницы — с какой стати они пойдут за человеком?.. Но оскаленные собачьи пасти назойливо мерещились ему...

Наконец — как близко, все-таки! — взвыл, застучал, захлопал мотор. Стук перешел в частый рокот. Вертолет поднялся над тайгой — Гриценко проводил его глазами.

«Пошел назад, — понял он. — Ну да — дело-то к вечеру, не могут же они торчать здесь дотемна».

Он гадал: остался кто-нибудь из вертолета в зимовье или нет? Впрочем, все равно: дело сделано. Плащ они увидели и склянку нашли. Клюнули, небось! Клюнули, как ротаны, заглотили до хвоста... Они не его ищут — с какой стати они станут искать его? Они теперь ищут того придурка, рыбака — сам бог, наверно, послал его рыбачить... Иначе пришлось бы отказаться от золота — вот и все. И напрасным оказалось бы долгое сидение в тайге, вымотавшее нервы.

А все-таки — куда делся этот рыбак?

* * *

Вчера Гриценко шел за ним по тропе, наткнулся на рюкзак — и долго сидел в кустах, ждал. Пошел дождь, Гриценко вымок, замерз, но хозяин рюкзака так и не вернулся. Это путало план, и без того наспех составленный. А план был таков: вслед за рыбаком пройти потихоньку до зимовья и, по возможности не попадаясь ему на глаза, подбросить в его вещи чуток золота. Прихватить в зимовье продуктов и выходить тайгой в поселок. Не в Балыктак, нет — там старики уже, конечно, подняли переполох, — а в другой ближайший на этой стороне реки поселок — в Каптургу. До Каптурги — сотня километров, но он тайгу знает, дойдет.

Рыбак не возвращался. И вообще мог не вернуться: вдруг сломал ногу, или заблудился — все может быть...

Гриценко порылся в рюкзаке. Коробочка из-под вазелина показалась ему подходящей, он вытряхнул крючки, положил в нее щепоть песчинок.

Поколебался немного: а, черт, не загибаться же от простуды — надел Пашкин плащ и быстро пошел по тропе на Илькан...

В зимовье он затопил печку, поел горячей каши, но долго не мог согреться. Проснувшись наутро с головной болью, лежал весь день не двигаясь.

Рокот вертолета застал его врасплох. Он вскочил, спешно оглядел зимовье. На столе лежал явер — мешочек из кожи с привязанной к нему погремушкой из кончиков оленьих копыт. Такой погремушкой якуты приманивают своих оленей. Гриценко вытряхнул из мешочка соль и пересыпал в него содержимое склянки. На дне ее осталось немного золотых песчинок — ну и прекрасно. Сунул склянку в карман Пашкиного плаща, повесил его на гвоздь и выскочил из зимовья.

Шум мотора затих: сели! И уже, наверное, идут сюда!

Он подпер дверь пихтовым сутунком, зашел по щиколотку в мутную воду Илькана, подступившую к избушке, и пошел по воде вдоль берега. И только услышав у зимовья голоса, выбрался на берег и помчался, увязая в багульнике, подальше в чащу, в глухой ельник...

* * *

И вот вертолет улетел. Гриценко вздохнул было с облегчением.

Но тут же похолодел, вспомнив, что второпях не прихватил в зимовье продуктов!

Возвращаться в избушку было слишком рискованно: там его могли караулить.

Но и пробираться в Каптургу без еды и без доброй одежды, в одном пиджачке под дождем, да еще чувствуя озноб и мерзкую слабость в теле — безнадежная глупость. Ключи и речки сейчас разлились, по дороге не раз вымокнешь, вымотаешься в поисках переправы.

Укромная ниша под скалой, в нескольких километрах от Балыктака, где он провел три недели, зверея от ожидания и безделья, показалась ему теперь уютным и родным уголочком. Там сухая одежда, спички, соль, и есть еще немного муки и крупы. Ничего этого он не захватил с собой, отправляясь на отвалы: откуда он знал, что будет эта дурацкая засада и что все пойдет кувырком!

Придется возвращаться туда. За едой и одеждой.

Уже темнело. Идти назад по тропе опасно, решил он. Засада не засада, но можно на кого-нибудь наткнуться: в темноте это запросто. И пошел, держась метрах в ста от тропы, по чащобе, по топким марям, обходя в темноте завалы, под дождем. Он знал, что с дороги не собьется. От ходьбы стало теплее, он повеселел: черта лысого кто его поймает. Он еще не перестал быть таежником.

Когда рассвело, свернул на тропу: теперь, если кто и пойдет навстречу, Гриценко не налетит на него неожиданно.

Однако, заметив впереди лабазок, снова сошел с тропы. Рюкзак, если он там еще лежит, лучше обойти. Так надежней.

Может, не слишком тонко задумано с этими крючками, со склянкой, оставленной в плаще, думал он, но ведь на разбирательство им понадобится время! Золотые песчинки собьют их с толку, а тем временем можно уйти куда хочешь...

Вдруг он застыл на месте. На прогалине среди чахлого лиственничника стоял олень, повернув к нему морду.

Гриценко шевельнулся — олень продолжал стоять, глядя на человека с любопытством, даже с ожиданием. Домашний! Опять, наверно, рубахинский.

Гриценко заколебался: не хотелось терять время и оставлять лишний след, но ему надо обязательно поесть горячего, мясного. И в дорогу надо наварить мяса: продуктов в его берлоге совсем мало.

Вынул из кармана явер, подкинул на ладони: когда-нибудь кому-нибудь он расскажет, как подманивал оленя не солью, а золотом — вот будет хохма! Потряс погремушкой.

Олень, словно давно ждавший знакомого бряканья, поднял морду, задвигал ноздрями и не спеша пошел к Гриценко. Приблизился вплотную, не сводя выкаченных глаз с замшевого, заскорузлого от соли мешочка.

Гриценко, шагнув вперед, быстро обхватил его шею левой рукой. Олень не вырывался: жадно лизал завязанный мешочек. Гриценко спрятал явер в карман, вытер о штаны оленью слюну с руки и вынул нож...

Наложив в рюкзак мясной мякоти, спустился к ключу, хотя это было не совсем по пути, и долго брел по воде и мокрой гальке: Захар мог взбелениться за оленя — уже второго! — и взяться за поиски не на шутку.

Только к вечеру добрался до своей постели из сухой травы под нависшей скалой. Разжег костер, переоделся, но ни сушить мокрую одежду, ни варить мясо не стал. Улегся на подстилке, укрылся ватником. Его то трясло от холода, то горела голова, и в горячих глазах катались золотые шарики, и собаки с умными мордами хватали их, щелкая зубами, как раздувшихся клещей. Под утро забылся у потухшего костра, не чувствуя комариных укусов.

Проснувшись днем, с трудом поднялся, разжег костер и сварил олений язык. Но нежное мясо показалось горьким, как желчь. Хлебнул бульону — стошнило. Снова лег, тихо постанывая от ослепительной боли в виске, раздавленный бессилием собственного тела.

И вот, дождавшись темноты, он решился. Не подыхать же тут, в самом деле! Компаньон его спрячет. Захочет спасти свои денежки, которые получил от Гриценко, захочет жить тихо-мирно—спрячет и подлечит. И потом — он не дурак, его милейший компаньон. Он умеет себя вести. Режет, небось, легавым «правду-матку», являет, так сказать, «грубоватую прямоту» — это всегда вызывает меньше подозрений, это вернее, чем заискивать и лебезить...

Гриценко выбрался на старые отвалы и пошел по тропе к поселку, ежеминутно останавливаясь в страхе. Он не боялся, что его стерегут, он боялся, что вдруг упадет и потеряет от слабости сознание.

Перелез через изгородь, пробрался к знакомому дому. Окно было освещено. Долго прислушивался. В доме молчали. Посторонних, скорее всего, не было.

Он постучал в освещенное окно.

(Продолжение. Начало в №№ 82—91, 93, 94, 96—98, 101).

Москва. **Хлебозавод-автомат № 11 — одно из передовых предприятий столицы. Здесь ежедневно выпекается 140 тонн различных хлебо-булочных изделий. С начала года завод выдал сверх плана более 100 тонн высококачественного хлеба. Постоянно увеличивается выпуск продукции, пользующейся повышенным спросом. Так, с начала года было выпечено саратовских калачей на 500 тонн больше, чем за тот же период прошлого года.**

В честь 40-летия стахановского движения коллектив завода решил завершить пятилетний план к 10 сентября 1975 года.

На снимках: в тестомесильном цехе; работница ОТК завода комсомолка Наталья Гуричева с готовой продукцией предприятия.

Фото **В. Кошевого.** (Фотохроника ТАСС).

В РАЦИОНЕ... ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ

Разряды молний не только поражают деревья, но и «подкармливают» их, утверждают ленинградские ботаники. Серией тонких экспериментов они установили, что наряду с водой и почвой важным компонентом в пищевом «рационе» растений является и атмосферное электричество.

Как известно, поверхность земли связана с космосом электрическим полем силой около двух тысяч ампер. Почти весь этот ток проходит через растения. Ученые исследовали соотношения отрицательных зарядов — анионов и положительных — катионов в различных видах и частях растений. Оказалось, что, например, верхушки злаков накапливают и содержат втрое больше анионов, чем ботва сахарной свеклы, и в десять раз больше, чем низкорослая морковь. Ботаники полагают, что остроконечные кроны деревьев, копьевидные листья травы, метелки соцветий представляют собой своеобразные «зеленые антенны», сформировавшиеся в процессе эволюции флоры специально для улавливания из воздуха заряженных частиц.

Это открытие, по мнению специалистов, поможет определить новые пути к направленному воздействию на сельскохозяйственные культуры, управлению их ростом и развитием с помощью искусственных электромагнитных полей.

Н. КОНСТАНТИНОВ, О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ, Корр. ТАСС.

Свободненская типография приглашает учеников наборщика и печатника для работы в Экимчане.

Обращаться к бригадиру Экимчанского филиала типографии.

Редактор В. Т. САФРОНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 676560 Амурская область, Селемджинский район, поселок Экимчан, ул. Комсомольская, 9.
ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-63; зам. редактора и бухгалтерия — 5-69; промышленный отдел — 5-60; отдел писем и типография—4-32.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Тираж 2.340 **Экимчанский филиал Свободненской городской типографии** **Цена 2 коп.** Зак. № 102.